

Амри Р. Шихсаидов
Дагестанские святыни. Книга первая
Серия «Духовный мир дагестанцев»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8672458

*Дагестанские святыни. – Кн. 1. – / Сост. и отв. ред. А. Р. Шихсаидов.: Эпоха; Махачкала; 2007
ISBN 978-5-98390-021-9*

Аннотация

Первый выпуск сборника «Дагестанские святыни» ставит своей целью раскрыть многие аспекты выработанного тысячелетними совместными усилиями народов Страны гор известного во всем мире так называемого феномена Дагестана – феномена социально-экономического и этнополитического устройства, культурно-исторического развития, дружественного сосуществования десятков народов на протяжении многих веков, выработки уникальных традиций, создания высочайшей духовной и материальной культуры. Не случайно этот феномен назван рядом зарубежных и общественных ученых и общественно-политических деятелей Дагестанской цивилизацией.

Содержание

Феномен Дагестана	5
Дагестан. Феномен социально-экономического и этнополитического устройства и культурно-исторического развития	5
Литература	18
Древние города Дагестана	19
Город-музей Дербент	19
Литература	36
Аулы-столицы, административные и торгово-ремесленные центры.	37
Союзы сельских обществ	
Кубачи – столица государственного образования Зирихгеран и крупный центр средневековой художественной культуры	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дагестанские святыни. Книга 1

Составитель А. Р. Шихсаидов

Редакционный совет:

Г.Г. Гамзатов, Г.М. Гамзатов, А.Р. Шихсаидов

Редакционная коллегия:

М.С. Гаджиев

А.Р. Наврузов

А.Р. Шихсаидов (ответ, редактор)

Феномен Дагестана

Дагестан. Феномен социально-экономического и этнополитического устройства и культурно-исторического развития

А.Р. Шихсаидов

Дагестан – это сочетание двух слов: тюркского «даг» (гора) и персидского «стан» (место, страна). Страна гор. Вот уже почти шестьсот лет, как это название присвоила себе небольшая часть земли на Восточном Кавказе, на западном берегу Каспийского моря. Мы сталкиваемся здесь с фантастическим перепадом высот, сменой географических зон – от Каспийского моря и Приморской равнины, что на 28 м ниже уровня океана, до лежащих под вечным снегом горных вершин, достигающих 4000 м высоты. Если ко всему этому добавить, что на территории Дагестана на каких-то 50 тыс. кв. км проживает три десятка народностей, относящихся, согласно лингвистической классификации, к трем языковым семьям – кавказской, тюркской, индоевропейской, то мы можем представить себе в общих чертах этнический облик и культурно-историческое своеобразие этого региона.

Эта этническая дробность, этническая дифференциация дагестанского общества были предметом внимания не одного поколения исследователей, выдвигавших различные версии происхождения многоязычия, среди которых важное место занимала теория решающего значения географического фактора. Иными словами, изоляция обществ, разделенных горами и труднопроходимыми перевалами, определила этнический облик региона, в данном случае Дагестана. Сторонников подобной постановки вопроса не смущало то обстоятельство, что многие горные районы Кавказа, изрезанные горами, не дали языкового разнообразия. Не объясняли этническую дробность и эндогамные формы брака, исторически характерные для Дагестана. Была выдвинута и миграционная теория, объяснявшая этнолингвистическую пестроту дагестанского общества как «вклад постепенного ветвями на Кавказ народов древнейшего культурного мира на юге» (Н. Я. Марр), иными словами – речь идет о многочисленных народах, носителях древнейшей цивилизации, передвинувшихся в древности в Дагестан из зоны междуречья Тигра и Евфрата.

Впервые в дагестанской, точнее, кавказской историографии оптимальное решение вопроса о сущности и причинах многоязычия в Дагестане, отличное от вышеназванных, предложил известный ученый М.А. Агларов. Изучив древние формы общественно-политических структур, устойчиво сохранившиеся вплоть до середины XIX в. (община – джамаат, самодовлеющая структурная единица: объединение нескольких джамаатов, «связанных между собой и политическим самоуправлением» и получивших в литературе название вольное общество или республика; союз, федерация вольных обществ), одновременно – этнолингвистическую ситуацию в них, он убедительно представил мнение о том, что «этническая ситуация в Дагестане является порождением уникальной многочастной раздробленной политической системы», что именно длительная политическая раздробленность привела к этническому многообразию.

Античные и арабские раннесредневековые авторы «уловили» это многообразие Восточного Кавказа, хотя не делают попыток выявить и генетические (вернее, социогенетические) аспекты. Они пишут о нескольких десятках языков (от 26 до 70) в этом регионе.

В XVIII в. децентрализация политической власти, наличие большого числа независимых владений и обществ были уже феноменом, «за спиной которого» было минимум от пятисот до двух тысячелетий истории. В «Истории Дагестана» об этом времени, т. е. о XVIII в., написано: «Дагестан по-прежнему был раздроблен на мелкие и мельчайшие политические единицы: Эндиреевское, Аксаевское и Костековское владения, Тарковское шамхальство, Кайтагское уцмийство, Табасаранское майсумство, владения кадия Табасарана, Мехтулинское, Аварское, Казикумухское ханства и более 60 мелких объединений, союзов сельских обществ, известных под названием аварских, даргинских и лезгинских «вольных обществ». Это общеизвестное положение было удачно интерпретировано М.А. Агларовым, чтобы утвердить, что именно длительная политическая раздробленность лежала в основе полиэтнической структуры дагестанского общества.

Изучение раннесредневековой истории Дагестана показало, что в V – X вв. его территория была разделена на большое число раннефеодальных владений, формировавшихся по многоэтническому принципу. Речь идет о таких владениях, как Лакз, Гумик, Табасаран, Хайдак, Филан, Зирихгеран, Сарир и другие. Впоследствии некоторые вообще потеряли свою самостоятельность, влились в состав более сильных государств (Филан, Зирихгеран). Ряд государственных единиц (Дербент, Кумухское шамхальство, Кайтагское уцмийство) усилились, включив в свой состав владения с иным этническим составом.

В X – нач. XIII вв. изменилась и политическая карта Дагестана. Ряд государств или феодальных владений усилился, упрочив свои позиции за счёт других владений, приняв полиэтничный облик. Некоторые же владения, потеряв свою самостоятельность, вошли в состав сильного владения или же распались на более мелкие единицы, союзы сельских обществ.

В середине X в. прекратил свое существование Хазарский каганат, крупнейшее государство на территории Северо-Восточного Кавказа, Подонья и Нижнего Поволжья, существовавшее более трехсот лет. К XI в. потерял свою самостоятельность ряд мелких политических образований, таких как Шандан, Филан, Карах. Распались на отдельные, независимые территориальные единицы (скорее всего, союзы сельских обществ) Лакз и Табасаран. Вместе с тем усиливаются Дербент, Гумик (с XI в.), Кайтаг, Серир (в X–XI вв., а в XII в. он также распадается на отдельные части).

Таким образом, явно вырисовывается процесс неравномерного политического развития: централизация политической власти в одних владениях сопровождается политической раздробленностью в других. Однако в этом двуедином процессе главным в X – начале XIII вв. выступает фактор децентрализации, приведший к усилению ранее существовавших или возникновению новых союзов сельских обществ.

XIII–XV вв. внесли много нового в политическую карту Дагестана. Внешние факторы сыграли решающую роль (на равнине и в предгорье) в сфере политических, экономических, земельных, этносоциальных отношений. Два разрушительных похода монгольских войск на территорию Дагестана, столкновение на этой же территории интересов двух монгольских государств – Золотой орды (Джучиды) и Хулагуидов, вылившее в длительное военное противостояние, походы Тимура в конце XIV в. – последней четверти XV в. – все эти факторы нарушили естественный ход развития событий, активизировали перераспределение форм земельной собственности, разрушили баланс земледельческих и скотоводческих традиций, обеспечили окончательную культурную победу тюркского этнического прессинга, начавшегося в IV – X вв. Самое главное – события XIII–XV вв. разрушили сложившееся в X – XIII вв. экономическое единство Дагестана, единство гор и равнин (об этом ниже).

Упомянутый выше процесс формирования многоязычия имеет свои особенности. Каждая община, союз их или суперсоюз, взятый отдельно, представляет собой самодовлеющую этническую единицу. Иное дело – город. Средневековой город имеет обычно многоэтничный облик. Это хорошо прослеживается на примере Дербента (Баб ал-абваба). Его транс-

формация от моно-этничности к полиэтничности можно подтвердить письменными сообщениями. В VI в. это был город-крепость с иранскими (персидскими) колонистами, а в VIII в. – это административный и идеологический центр с преобладающим арабским населением как в самом городе, так и в его окрестностях. В IX – X вв. это уже крупный торгово-экономический, ремесленный, административный и идеологический центр на Кавказе.

Мусульманский город с арабским, в основном, населением давал приют и представителям местного населения. Город был полон газиев, формировавшихся, как правило, из местных деклассированных элементов. В X в. Дербент был уже «городом многих городов». Первым это заметил арабский географ ал-Истахри (ум. ок. 951 г.), когда писал, что «иногда (руббама) жители Баб ал-абваба говорят на хазарском языке и на остальных языках их гор».

Демократическое развитие города шло в сторону дальнейшего проникновения в город дагестанских этнических групп. В 1131 г., когда город посетил известный путешественник и историк Абу Хамид ал-Гарнати, он имел встречу на маджлисе с жившими здесь представителями тринадцати языков. Он перечисляет эти языки в таком порядке: лакзанский, табаланский, филанский, закаланский, гумикский, серирский, аланский, ассский, зарихкаранский, тюркский, арабский, персидский. Сообщенное это по своей подробности и информативности не имеет аналогов в исторической литературе до XIX в. включительно, оно свидетельствует об исключительной любознательности и осведомленности испанского араба-путешественника. Встречу эту организовал дербентский эмир (имя его не названо), один из грамотнейших людей того времени. Ал-Гарнати разъяснял на арабском языке содержание очень популярного в мусульманском мире сочинения по праву. «У меня на занятиях, – писал ал-Гарнати, – присутствовали люди из этих народностей, а он (эмир города. – А. Ш.) объяснял [содержание этой книги] каждой народности на её языке».

В VII – XVI вв. прошел важнейший процесс в идеологической жизни дагестанского общества. Дагестан стал мусульманским регионом. Во всех государственных образованиях, сельских обществах и союзах новая монотеистическая религия стала господствующей, вернее, конфессиональному, плюрализму пришла на смену единая религиозная система. Ислам стал государственной религией. Это не означало, однако, что остальные религиозные представления были изжиты и потеряли вою привлекательность. Временами (особенно в X в.) срабатывала идея религиозной толерантности, в ряде территорий (Хайдак, Зирихгеран, Авария, Семендер) – идея религиозной веротерпимости. Ислам, христианство, иудаизм в X в. сосуществовали в этих районах на правах толерантности. Однако события последующих веков внесли в эту систему взаимоотношений определенные коррективы. Сосредоточенные в районе Дербента «исламские центры»; ряд дагестанских селений, выступавших в качестве «Гази», воителей за веру (Кумух, Ихрек, Цахур, общество Гидатль); гибкая внешнеполитическая и дипломатическая политика Ширвана в южных районах Дагестана; политика тюрок-сельджуков, господствовавших

в течение последней четверти XI – XII вв. в Дербенте, равнинных районах Дагестана; политика монголов, перешедших в начале XIV в. в поддержку ислама на завоеванных территориях; наконец, действия Тимура в конце XIV в., поддержка им ислама, открытие новых медресе и других очагов исламского образования, преследования христиан и их школ – все это привело к повсеместному упрочению ислама, а в XV – XVI вв. этот процесс завершился и в Западном Дагестане.

Феномен дагестанского опыта исламизации – почти тысячелетний отрезок времени. Рассказы о том, что арабы руками Абумуслима еще в начале VIII в. покрыли весь Дагестан сетью мусульманских культовых сооружений, остаются в области исторических преданий. То же самое можно говорить о ряде дагестанских хроник («Дербенд наме», «История Абу Муслима» и др.), писавших о повсеместной исламизации Дагестана в начале арабских завоеваний.

Можно выделить несколько этапов исламизационного процесса, вернее, истории ислама в Дагестане: вторая половина VII в. – первая половина X в.; вторая половина X в. – XVI в.; XVII–XVIII вв.; XIX – начало XX вв.; 20-е – начало 80-х годов XX в.; вторая половина 80-х годов XX в. – настоящее время. Эти этапы охватывают как исламизацию вширь (первые два этапа), так и всю последующую её историю. В данной статье речь идет о первых двух этапах (вторая половина VII – первая половина X вв. и вторая половина X–XVI вв.), отличавшихся друг от друга не только темпами распространения новой религии и социальными условиями, но и гасителями и проповедниками религиозных идей. Территориально процесс исламизации охватывал Дагестан с юго-востока на северо-запад, причём ислам утверждается, как правило, сначала в феодальных владениях, и лишь затем проникает в широко представленные здесь союзы сельских общин. Последнее обстоятельство было закономерно для всего Дагестана в целом, возможно, и для других областей.

Арабский халифат сыграл важнейшую роль в истории многих народов, оказавшихся в сфере исламского мира. Именно в халифате «процесс взаимодействия различных цивилизаций породил новую высокоразвитую культуру, языком которой стал арабский, а идеологической основой ислам, новая монотеистическая религия со своеобразной системой этико-правовых представлений и религиозно-политических институтов, зародившаяся в Аравии и распространившаяся в ходе арабских завоеваний. Эта арабо-мусульманская культура на много веков вперёд определила пути развития народов, исповедовавших ислам, сказываясь на их жизни до сего дня».

Первые шаги арабо-мусульманской культуры в Дагестане, а затем её мощное и глубокое проникновение во все слои общества – важный, неравномерный, противоречивый, длившийся столетиями процесс. Он до сих пор слабо изучен, несмотря на его чрезвычайную актуальность и выдающуюся роль во всех сферах жизни дагестанского общества.

«Движущие силы» этой культуры – арабский язык и ислам – проникли в Дагестан вместе с завоевательными походами арабов, но на многие века пережили эти походы, стали составной частью культуры дагестанских народов, сыграли огромную роль в формировании письменного литературного наследия, образования, нравственных критериев.

Нет ни одного более или менее важного вопроса истории и культуры народов Северного Кавказа, в частности дагестанского общества, при исследовании которого можно было бы пренебречь фактом исламизации. Ислам и языческие верования; земельные отношения и социальная жизнь; памятники письменной культуры; арабский язык, арабская колонизация и отношение к местным языкам; культурные контакты с народами Ближнего Востока и Средней Азии; государственная власть и социальная терминология; вопросы генеалогии и составные части местной исторической традиции – это лишь неполный перечень факторов, испытавших на себе в той или иной степени интенсивности влияние процесса проникновения и утверждения ислама, арабо-мусульманской культуры.

Не менее важным обстоятельством был и беспрецедентный, затянувшийся почти на тысячелетие процесс исламизации Дагестана, небольшой территории на Северо-Восточном Кавказе. Длительный путь ислама в Дагестане – итог стечения многих обстоятельств: борьба местного населения против попыток установить господство и навязать новую религию вместо господствовавших здесь языческих представлений, а также христианства, занимавшего в некоторых местах сильные позиции; столкновение хазар и арабов; политическая раздробленность Дагестана, вернее, наличие на его территории большого числа политических единиц, маленьких государств (Дербент, Лакз, Гумик, Хайдак, Серир и др.), вполне самостоятельных. Исламизация ближайших к халифату областей (Дербент, Табасаран, часть Лакза, Хайдака) не распространялась одновременно на более дальние, горные и высокогорные районы. Политическое господство не всегда сопровождалось победой в области идеологии. Арабские завоевания в Дагестане прекратились в начале IX в., а ислам, несмотря на военный

нажим и экономические мероприятия, утвердился к этому времени на территории, занимающей примерно пятую часть региона. Если в X–XVI вв. ислам медленно, но уверенно проникал во все дагестанские земли, то, наряду с другими, политические и культурные факторы оказались более эффективными, нежели военные акции.

Ряд обстоятельств, сопровождавших исламизационный процесс, определил здесь устойчивый характер и своеобразие новой монотеистической религии, пришедшей на смену конфессиональному плюрализму. Речь идет о комплексе внутри- и внешнеполитических факторов, содействовавших утверждению новой цивилизации как историко-культурного феномена, уверенно оттеснившего позиции господствовавших ранее языческих представлений, а также христианства, имевшего сильное влияние в ряде отдельных районов.

Изменения в социальной, экономической и идеологической жизни привели к повсеместному подъему различных видов монументально-декоративного и декоративно-прикладного искусства. Нет ни одной области художественного творчества, в которой не были созданы превосходные произведения, представляющие собой важную часть культурного наследия народов Дагестана. Еще в раннем средневековье сформировались крупные центры художественной обработки металла, ювелирного производства, ткачества, ковроделия, керамического искусства.

Исламизация Дагестана сопровождалась впечатляющими успехами в двух существенных областях культуры – строительной практике (в том числе в монументально-декоративном творчестве) и письменной культуре. Строительная деятельность развернулась во всем Дагестане, появились многочисленные культовые сооружения (мечети, минареты, медресе).

Среди памятников строительной деятельности особое место по своему значению и совершенству принадлежит культовым сооружениям города Дербента. Ранним памятником культового зодчества является Джума-мечеть – один из ярких архитектурных ансамблей города.

Комплекс Джума-мечети, расположенный в верхней, древней части города, состоит ныне из самой мечети, медресе и двора между ними

Наибольший интерес в этом комплексе представляет, разумеется, Джума-мечеть. Это один из самых превосходных памятников города и наиболее крупное мусульманское культовое сооружение в России.

В настоящее время комплекс Джума-мечети, окруженный многочисленными застройками, не воспринимается посетителями как крупнейшее сооружение Дербента. Но, как справедливо отметил крупный исследователь архитектурных памятников СО. Хан-Магомедов, «тем не менее комплекс Джума-мечети играл в древнем Дербенте очень важную роль. То, что сейчас воспринимается как небольшой внутренний двор, в действительности являлось самой крупной площадью Дербента, более крупной, например, чем торговая площадь. Важно также учитывать и то впечатление, которое производила в восточном городе с его узкими, извилистыми улицами и площадями неправильной формы регулярная площадь с четко выявленной главной осью». Мечеть находилась в самой оживленной части города. Как писал известный арабский географ X в. ал-Мукаддаси, соборная мечеть города была «расположена посреди рынков».

В уникальной энциклопедии суфийских терминов «Райхан алхакаик в а бустан адцакаик («Базилик истин и сад тонкостей»), принадлежавшей Мухаммаду сыну Муссы ад-Дербенди и написанной в начале XII в., хорошо показана жизнь многих известных тогда ученых, деятельность которых была связана с мечетью. Именно здесь проходила в основном религиозная деятельность верховного кадия (кади ал-кудат).

С середины XII в. здесь стали назначать на эту должность местных шейхов, хотя нередко и с «согласия» Багдада. Известны имена некоторых имамов соборной мечети. В конце XI в. имамом был здесь приезжий богослов Абу-л-Хасан ал-Басри. Вплоть до уста-

новления власти Сельджуков имамом соборной мечети Дербента был местный шейх, сын муэдзина этой же мечети Абу Бакр б. ал-Му'адзин ал-Баби. Долгое время главой шиитской общины ал-Баба был в середине XI в. Ахмад б. ал-Хусайн из рода ал-Гадаир. Кстати, в Дербенте обнаружена эпитафия на его могиле. Арабский текст гласит: «Шейх ал-имам кади кадиев (кади ал-кудат) Ахмад, сын ал-Хусайна, – да помилует его Аллах». (Эта надмогильная плита ныне хранится во дворе исторического факультета ДГУ). Все приведенные выше данные убедительно показывают, что в Дербенте жило и творило много ученых, за которыми стояли различные богословские школы, и что с соборной мечетью города связана деятельность многих представителей высшего мусульманского духовенства, которое занимало высокое общественное положение и играло немаловажную роль в духовной жизни городского общества.

В настоящее время существует два мнения о первоначальном облике Джума-мечети. Одни исследователи считают, что этот памятник возник первоначально как христианский храм, перестроенный позже, а именно в первой половине VII в., в мечеть. Другие же склонны думать, что с самого начала это здание возродилось именно как мечеть. Первое мнение кажется наиболее правильным, подтверждаемым источниками, прежде всего новыми материалами археографических исследований. Большое количество мусульманского населения, в частности арабских эмигрантов, жило и в районе, прилегающем к Дербенту, особенно в области Табасаран. Именно по его территории проходила знаменитая Горная стена (Дагбары), составляющая часть Дербентского оборонительного комплекса. В этой стене на определенном расстоянии друг от друга были построены сильно укрепленные форты, где обычно находились арабские воины и их семьи. При мирной ситуации арабы обосновались и в соседних селениях. Строительство мечетей здесь было, разумеется, делом обычным. Но старые здания, как правило, не сохранились. А количество сохранившихся в Табасаране – единицы. К этим единицам и относится мечеть в табасаранском селении Зиль, что в километрах 15 на северо-западе от Дербента. Мечеть расположена в 500 м к западу от селения, на возвышенности, которую местные жители называют «Уллу мечит» («Большая мечеть»). Это однокамерное прямоугольное в плане строение, его внутренние размеры 13 x 9 м.

Как известно, из многочисленных квартальных мечетей Дербента не сохранилась ни одна. Такова судьба культовых сооружений другого крупного города, расположенного также на равнине, на западном берегу Каспийского моря, – Семендера бывшей столицы Хазарии, основательно разрушенного руссами в 965 г. А до этого, по единодушному мнению многих арабских географов X в., в этом веротерпимом городе бок о бок жили мусульмане, христиане и иудеи, которые ходили в свои мечети, церкви и синагоги. Никаких следов этих памятников до нас не дошло. Это на равнине. В горах же положение памятников мусульманского культа оказалось более благополучным.

Сохранились надписи и записи о строительстве мечетей в Каракюре, Ихреке, Дербенте, Цахуре, Хиве, Калакорейше, Хнове, Рутуле, Шиназе, Риче, Мишлеше, Кубачах, Тама. Появились важные сведения о строительстве минаретов в Дербенте, Цахуре, Кубачах, Короде, Ханак (общезития суфиев), Рутуле, крепостей в Тпиге, Цахуре, Каракюре. Само расположение этого древнего селения на правом берегу Самура, на пересечении торговых путей из Дербента и Северного Азербайджана в Южный Дагестан, не могло не оказать воздействия на его развитие, на связи с ближневосточным миром.

Мечеть расположена в центре селения, она неоднократно разрушалась, неоднократно же и восстанавливалась. В первоначальном виде мечеть представляла собой четырехугольное здание, вытянутое с востока на запад (точнее, с северо-востока на юго-запад). Два ряда колонн (по 3 колонны в каждом) поддерживали плоскую крышу. Стены сложены из рваного местного камня, а столбы круглой формы, сложенные из красного кирпича и затем оштукатуренные, опираются на квадратные базы.

Как известно, к особенностям средневекового мусульманского искусства относится широкое распространение эпиграфических текстов и эпиграфического орнамента, где текст надписей как бы дополнял и совершенствовал декоративный узор. То же самое мы наблюдаем в Каракюринской мечети. Верхнюю часть всех баз опоясывает широкая эпиграфическая лента. Все надписи – на арабском языке, цветущим куфи. Одна из надписей гласит: «Исхак, сын Хасана уповаает на Аллаха». Очевидно, здесь зафиксировано имя мастера-строителя.

Поражают разнообразие и совершенство орнаментальных мотивов, изящество, стройность куфических букв. Перед нами замечательный памятник декоративно-прикладного искусства. Среди памятников подобного рода штукковые рельефы Каракюре занимают важное место в странах мусульманского мира. Их можно отнести к X в. Есть еще один выдающийся памятник резьбы по штуку – это михраб главной мечети селения Калакорейш – бывшего города, столицы сильного феодального владения Кайтага (Хайдак), правители которого носили титул уцмия. Ныне бывшая блестящая столица в развалинах. В середине XIX в. (1861 г.). Калакорейш посетил известный российский востоковед академик Б.А. Дорн. Это он открыл для науки мечеть селения, дал зарисовки великолепного штукowego михраба XII–XIII вв., свидетельствующего о высоком уровне культурных контактов мастеров Дагестана, Ирана, Средней Азии. Академик посетил также медресе при мечети, а ученики медресе вручили ученому, к его удивлению, два стихотворения-послания, написанные на превосходном арабском языке. Вторично этот памятник был открыт в 1968 г., когда селение посетила экспедиция Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

В селение можно попасть несколькими путями: со стороны знаменитого центра ювелиров Кубани, по дороге, которая раньше считалась колесной («уцмийская дорога»). Более трудный путь: через селение Дибгалик, что над высоким и крутым обрывом. Узкая каменистая тропинка ведет к мосту над рекой Буган, а потом подъем – путешествие длиной в два километра. Есть и третий путь, ранее наиболее «популярный»: из Маджалиса прямо на Калакорейш, минуя Уркарах. Калакорейшская мечеть с превосходным штукowym михрабом вошла благодаря усилиям ученых (в первую очередь М.М. Дибирова) в историю культуры как ценный памятник культового зодчества и декоративно-прикладного искусства мусульманского мира.

Калакорейш – «Крепость курейшитов» – действительно был крепостью, которая сыграла выдающуюся роль в истории народов Дагестана как крупный административно-политический, культурный и идеологический центр средневековой эпохи. Здесь сохранились первоклассные источники материальной и духовной культуры (мечеть XII–XIII вв., о которой уже упоминалось, могильники с «полуцилиндрическими» надгробиями или традиционными каменными стелами, надгробия, мавзолей и пантеон кайтагских правителей-уцмиев, сторожевые и сигнальные башни, караван-сарай, мельницы, старые кварталы, главная площадь селения, медресе, ток для молотбы зерна, памятники арабской эпиграфики).

Калакорейш. «Арабское кладбище». X–XI вв.

Мы дали описание только трех мечетей. К их числу можно добавить еще ряд древних культовых сооружений Дагестана. Это «дворовая мечеть» XII в. с 17 сохранившимися

каменными базами – фигурными опорными столбами; мечеть в сел. Фите Агульского района с куфическими текстами XI в. на деревянных конструкциях; знаменитая мечеть XI–XII вв. в сел. Рича с надписями о героическом сопротивлении монгольским отрядам в 1239 г. Вплоть до XV–XVI вв. продолжалось строительство мечетей, и к концу этого времени культовые сооружения обслуживали почти все население Дагестана.

Первые мечети, главные культовые сооружения мусульман, были, конечно, одновременно очагами образования. Мечеть (араб. «масджид» – «место, где совершают земные поклоны») первоначально нередко выполняла светские и политические функции. До появления медресе обучение и значительная часть культурной жизни концентрировалась в мечети. Мечеть повсеместно была начальной школой. Можно лишь теоретически предположить, что в мечетях формировались первые рукописные книжные собрания, где ведущее место занимали, конечно, Кораны, комментарии к ним.

Известно, что формирование первых книжных собраний и центров образования, мактабов и медресе связано, прежде всего, с Багдадом, столицей Арабского халифата, крупнейшим очагом науки, образования и культуры. В X – XI вв. здесь было учреждено несколько библиотек, известных под названием «домов знания». Они совмещают три функции: библиотеки; здесь работали ученые и велось преподавание. Вскоре они уступают место библиотекам, стоящим при вакфных учреждениях – мечетях, медресе, больницах, мавзолеях. В XI в. вся территория халифата была покрыта сетью вакфных библиотек.

Первые мусульманские медресе возникли в городах Маверан-нахра и Хорасана в X в. В Багдаде медресе было создано Низам ал-Мулком, могущественным сельджукским везиром. Созданное им в 1064 – 1066 гг. медресе получило название Низамийа. В 60–90 гг. XI в. медресе были основаны и в других городах Сельджукской империи (Нишапур, Герат, Исфахан, Мерв, Мосул и др.). Все они назывались Низамийа.

Кубани. Мечеть XV в.

В Дагестане также первое медресе связано с именем Низам ал-Мулка, т. е. возникло одно из ранних в мусульманском мире Низамийа. Еще при жизни Низам ал-Мулка (ум. в 1092 г.) в верховьях Самура, в селении Цахур, возникло медресе шафиитского мазхаба. Здесь работали кади, проповедники, преподаватели мусульманского права. В этом медресе была организована переводческая работа, здесь перевели на «лакзанский язык» трактаты двух знаменитых шафиитских ученых.

Далее идет триумфальные шествия медресе по Дагестану. В 1227 г. зафиксировано медресе Хаджжи Махмуда, в селении Ашты, где было переписано сочинение знаменитого хадисов (мухаддис) ал-Багави.

В 1404–1405 гг. в Кубачах реставрировано медресе, оно существовало и во второй половине XIV в. Лет через 25 здесь была соборная мечеть. В Дербенте в 1475 г. ширваншах Фаррух Йасар построил медресе, которое по имени его основателя стало называться «Фарруховским». Можно предположить, что в XIV–XV вв. медресе были в ряде других даге-

станских селений, где функционировали к тому времени мечети, в том числе и соборные, достаточно крупные (Кумух, Ахты, Рутул, Тпиг, Рича, Хунзах, Худуц, Губден, Хнов, Аркас, Ансалта, Эндирей и др.).

Более того, представители дагестанской духовной элиты стали играть важную роль в идеологической жизни Северного Кавказа и Поволжья. Как писал арабский путешественник Ибн Баттута (ум. в медресе Шебана ал-Убуди (т. е. из селения Обода), Мухаммада ал-Куддуки (из сел. Кудутль), Дауда из сел. Усиша, Дамадана из Мегеба, Ибрахима из Урады, Гасана из Кудали, Мирзаали из сел. Ахты, Мухаммада ал-Яраги, Джамалудина Гази-Кумухского, Саида Араканского, Абдурахмана из Газикумуха, Гасана Алкадари, Абу-суфьяна Акаева, Али Каяева и др. История этих медресе совершенно не изучена, нет данных о времени их строительства, нет систематического обзора деятельности хотя бы одного из многочисленных дагестанских медресе.

Сел. Кудутль, родина Мухаммеда Кудутлинского (1652–1717 гг.)

Сел. Корода. «Ихйа улум ад-дин» ал-Газали. Рукопись XV в.

Сел. Корода. Мечеть «Ас-Сихах» – толковый словарь арабского языка. Список XV в.

Однако в настоящее время мы располагаем большим числом арабских рукописей, переписанных в указанных и в других дагестанских медресе в XVII–XIX вв. Исследования последних лет показали, что работа по переписке рукописей была сосредоточена в основном в медресе и мечетях, охватывая почти все крупные дагестанские селения.

О курсе обучения в медресе мы располагаем интересными сведениями. Дагестанский автор Абдула Омаров в своих «Воспоминаниях муталима», написанных в 60-х гг. XIX в., сообщил о программе обучения в дагестанской мусульманской школе: «По окончании арабской азбуки» детей учат «необходимым правилам религии, как то: вероучению о единстве Божьем, признании добра и зла, существовании ангелов и Пророков». Все это заканчивается в книге «Усул ад-дин». Затем идет чтение и изучение следующих книг: «Тасриф» – грамматика арабского языка; «Миат амил» («Сто управляющих»); «Унмузадж» – сочинение по морфологии; «Сададдин», «которая служит объяснению к книжке Тасриф»; «Динкузи» – по грамматике арабского языка, как и «Вафия», «Джами»; книги по началам логики – «Исагуджи», «Шамсийа», «ал-Фанари», потому что «логика, употребляемая у мусульман, имеет прямой целью служить в помощь доказательствам тех оснований, на которых стоит Коран». Вслед за логикой изучают «Маан» (риторику); правила арабского стихосложения; книги по мусульманской юрисдикции в их числе «ал-Махалли» и комментарии к Корану, такие как «Джалал» и сочинение Ибн Хаджара «Джавами»; редко – математика и «Акаид» по тавхиду».

Абдурахман из Газикумуха (1837–1901) в своем «Тазкира» дал широкий спектр наук, распространенных в Дагестане: «Их двенадцать: морфология, синтаксис, метрика, логика, теория диспута, законоведение, толкование Корана, жизнеописание (Пророка), суфизм, риторика (маан, байан, бади, риторика, стилистика, поэтика – все эти три отрасли считаются за одну науку), ал-муха-дара и ал-хуласа... Что касается остальных наук, то ими занимаются у нас редко, особенно илм ал-хуласа, при помощи которой исчисляются многие цифры».

Переписка рукописей приняла грандиозные размеры. В настоящее время сотрудниками центра востоковедения Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН и преподавателями факультета востоковедения Дагестанского государственного университета выявлено около 300 частных и мечетских рукописей (в основном арабских) коллекций, тематически разнообразных и охватывающих хронологически XV–XX вв. Изучение книжной продукции, имевшей хождение среди читающих слоев населения, показало, что, хотя переписка их на месте, часть их поступала до XIV–XV вв. из различных стран Ближнего Востока и Средней Азии. Начиная с XV века поступление рукописных книг из ближневосточных стран в Дагестан практически прекратилось. Читательский спрос и потребность в учебной и научной литературе удовлетворялись почти полностью местными силами. Наблюдается резкое повышение статуса катибов – переписчиков. Это стало, в свою очередь, поворотным пунктом истории рукописной книги и рукописных собраний Дагестана. Не странно поэтому, что в сохранившихся собраниях основную часть рукописей представляют собой тексты, переписанные местными катибами – переписчиками для нужд медресе и мечетей, для пополнения собственного книжного фонда или же по заказу.

Мы уже знаем нескольких катибов – профессионалов. Один из них по имени Харун, сын Ахмада аш-Ширины (т. е. из селения Шири) специализировался в переписке Коранов, толковых словарей арабского языка, этико-догматических трактатов. Уже известно около 9 сочинений, переписанных им в течение 1481–1515 гг. Ряд сочинений переписывался особенно часто. К ним относятся Кораны, тафсиры, сочинения по праву, принадлежащие ан-Навави, ал-Махалли и Ибн Хаджару, грамматические сочинения Ибн ал-Хаджиба, ат-Тафтазани, Абдаррахмана Джами.

В XII–XVII вв. особый интерес был проявлен в Дагестане к сочинениям выдающегося представителя средневековой арабской науки Абу Хамида Мухаммада ал-Газали (1058–1111).

В Дагестане найдено более 40 рукописных экземпляров его сочинений по суфизму этике, мусульманскому праву переписанных в XII–XVII вв. (помимо двух) – в селениях Акуша, Шари, Муги, Кубачи, Аракул, Вихли, Химейди, Урада, Гоцатль, Кумух, Гочоб,

Карача, Мулебки, Обода, Мугурух, – такова обширная «дагестанская география» научных трактатов Ал-Газали.

В истории средневекового Дагестана важная роль принадлежала дагестанскому селению – устойчивому центру традиций материальной и духовной культуры. Крупные селения – столицы феодальных владений или союзов сельских обществ были одновременно и очагами непрерывного культурного процесса – Тарки, Хунзах, Ашты, Тпиг, Кумух, Уркарах, Худуц, Чох, Согратль, Бежта, Цудахар, Акуша, Анди, Калакорейш, Ахты, Хучни, Рутул, Цахур, Корода, Кахиб, Эндирей, Кубачи, Хив, совмещали в себе функции административных торгово-ремесленных единиц, не уступая городам по интенсивности влияния на всю округу. Важные сдвиги произошли в хозяйственной жизни дагестанского общества. На всем Северном Кавказе только в Дагестане четко прослеживается процесс выделения отдельных селений из сферы земледельческого труда (например, Кубачи и ряд других населенных пунктов). Специализация отдельных дагестанских селений, вернее их роль в формировании культурного облика микрорегиона или же более обширных территориальных единиц, дает возможность пересмотреть сложившееся представление о том, что только города шли в авангарде культурной жизни. Крупные населенные пункты и исламские учебные заведения в них стали очагами распространения знаний. В них и реализовались задачи приобщения к культурному наследию мусульманского мира: хранение и переписка рукописей, поступивших из стран Ближнего и Среднего Востока; развернутая преподавательская деятельность, подготовка кадров духовной элиты; создание собственно дагестанской оригинальной литературной традиции.

Начиная с X в. в Дагестане происходит становление и функционирование собственно дагестанской литературной системы (суфийские, исторические, правовые, грамматические, богословские трактаты, философия, медицина, этика, математика, поэтическое творчество и т. д.). Новый материал позволяет поставить вопрос о периодизации этого процесса, проследить процессы усвоения и использования арабской литературной традиции.

Исследования отечественных и зарубежных востоковедов дают основание утверждать, что литература X–XV вв. представляет собой своего рода «предысторию», ранний этап создания местной, дагестанской литературы на арабском языке. Среди дошедших до нас памятников творческого наследия дагестанских авторов X–XV вв. основное место занимают исторические сочинения – «Дербенд наме», вернее, источники этого свода исторических хроник; «История Ширвана и Дербенда»; «История Абу Муслима»; «Тарих Дагестан»; одноаульные памятные записи; «История Каракайтага»; «Хроника Махмуда Хиналугского».

Титульный лист сочинения Мухаммед-Тахира ал-Карахи (1809–1880) «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах».

Разумеется, исторические сочинения не были единственной жанровой категорией литературной и научной деятельности в Дагестане в X–XV вв. А.К. Аликберов показал, что к началу XII в. в Дербенте уже существовали устойчивые традиции хадисоведения и составления суфийских трактатов (прежде всего здесь речь идет о выдающемся памятнике дагестанской историографии – суфийском трактате Абу Бакра Мухаммада ад-Дербенди под назва-

нием «Базилик истин и сад тонкостей»). До нас дошел также этико-догматический трактат «Вафк ал-мурад» («Соответствие предмету желаний») Ахмада ал-Йамани (ум. в 1450 г.), написанный в Кумухе. Однако жанр исторических сочинений был наиболее значимым числом сочинений, созданных в процессе формирования общедагестанской литературной традиции.

Наивысшим достижением оригинальной творческой традиции была литература XVII–XIX веков, созданная усилиями многочисленных ученых и преподавателей медресе, энциклопедически образованных и оставивших универсальное наследие. Мы не останавливаемся на творчестве отдельных ученых, их имена (от Шабана из Ободы до Али Каяева) ныне широко известны. Их научная и преподавательская деятельность, тематическое разнообразие их наследия (история, мусульманское право, грамматика арабского языка, этика, суфизм, поэзия, медицина, математика) стали выдающимся явлением интеллектуальной жизни дагестанского общества. Наивысшего подъема это литературное наследие достигло в XIX веке. Это связано, прежде всего, с политическим фоном творчества – народно-освободительным движением 20-50-х гг. XIX века под руководством Шамиля.

Рукописные и старопечатные книжные коллекции, сохранившиеся до наших дней, продолжают традиции средневековых книжных собраний и отражают их тематическое разнообразие. Изучение коллекций показывает господство арабского языка; преобладание (почти монополю) сочинений шафиитского права; наличие сборных, обычно тематически однородных рукописей (включающих иногда до 10–15 единиц описания); своего рода «специализация» отдельных собраний; наличие владельческих и дарственных записей; определенный, уже сложившийся набор сочинений по грамматике арабского языка, мусульманскому праву, логике; список имен дагестанцев – переписчиков и владельцев рукописей; практика передачи рукописных собраний по наследству по трафаретной формуле; движение и мобильность отдельных рукописей и их собраний; набор определенных художественных оформлений переплета; массовые «вставки», приуроченные к конкретной странице и зачастую имеющие самостоятельную ценность и т. д.

Ныне предпринимаются плодотворные усилия по изучению нашего богатого культурного наследия. Ведется работа по созданию каталогов частных и мечетских рукописных и книжных собраний. Это будет беспрецедентным явлением в практике востоковедения, обогатит наши представления о культурном диалоге Дагестана со странами Ближнего и Среднего Востока, значительно расширит источниковедческую базу исследований по истории и культуре народов, расположенных на «периферии» исламского мира. Работа российских, в том числе дагестанских, востоковедов, а также итоги археографических экспедиций последних лет показали, что в сфере арабской книжной культуры и формирования таких культурных очагов, как медресе и книжное собрание, понятие «периферия» является условным. Обилие рукописных собраний, количество и тематический подбор текстов, активная работа по размножению рукописей, их «плотность» в среде своего обитания выдвигают Дагестан (особенно в XVII–XIX веках) в число крупных очагов книжной культуры. Исследования памятников рукописной культуры дали возможность установить общие закономерности формирования книжных коллекций, причины их особого роста в XIX веке. Высказанное известным дагестанским ученым Гасаном Алкадари (1834–1910 гг.) мнение о том, что наиболее ранние библиотеки Дагестана относятся к XVIII веку, ныне значительно поколеблено, вернее, устарело, так как мы располагаем уже данными о частных библиотеках в XV–XVI веках. Теоретически, однако, историю библиотек можно ввести с конца XI века, когда в Дагестане были созданы первые медресе (понятия медресе и библиотека были в то время неотделимы друг от друга).

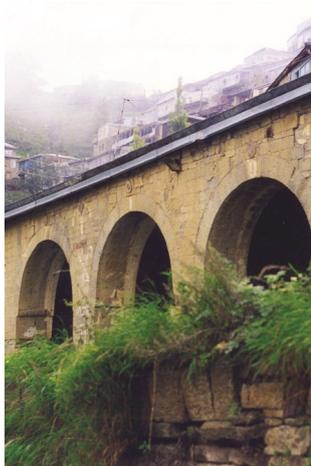
Одна из особенностей общественного устройства дагестанского общества начиная с раннего средневековья (примерно с V века) и до середины XIX в., на протяжении около

полутора тысячи лет – это устойчивая децентрализация политической власти, отсутствие единой централизованной власти в общедагестанском масштабе, продолжительное существование нескольких небольших государств, государственных образований и нескольких десятков независимых или полузависимых союзов сельских общин. Своеобразие подобного рода общественной структуры заключалось в том, что эта децентрализация сопровождалась, как ни странно, экономическим, культурным, идеологическим единством дагестанского общества в целом.

Этнокультурное единство народа Дагестана «дополнялось» единством экономическим, сложившимся в основном к X веку, нередко – политическим единством, в основе которого лежало объединение государств в годы борьбы за национальную независимость. Победа ислама в XVI веке в общедагестанском масштабе означала торжество идеологического союза в регионе. Кстати, реформы 60-х годов XIX века, приведшие к ликвидации ханств и образованию Дагестанской области, завершили процесс формирования комплекса факторов, определивших единство в культурной, административной, хозяйственно-экономической и идеологической сферах.

Литература

1. *Аликберов А.А.* Эпоха классического ислама на Кавказе. М., 2002.
2. *Абдурахман из Газикумуха.* Книги воспоминаний / Пер. с араб. М.-С. Саидова; ред., коммент. А.Р. Шихсаидова и Х.А. Омарова Х.А. – Махачкала, 1997.
3. *Большаков О.Г.* История Халифата П. Эпоха великих завоеваний. М., 1993
4. *Гамзатов Г.Г.* Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1978.
5. *Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV века. Махачкала, 1996.
6. Ислам на территории бывшей Российской империи // Энциклопедический словарь. М., 2006. Т. 2. (Статьи А.К. Аликберова).
7. *Кудрявцев А.А.* Феодалный город. М., 1993.
8. *Крачковский И.Ю.* Арабская литература на Северном Кавказе // Избр. соч. М., 1960. Т. VI.
9. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и центральную Европу (1131–1153) // Публикация Д.Г.Большакова и А.Л. Монгайта. М., 1971. С. 26–27.
10. *Саидов М.-С.* Дагестанская литература XVIII–XIX вв. на арабском языке. М., 1964.
11. *Ханмагомедов С.* Дербент. Горная стена: Аулы Табасарана. М., 1979.
12. *Халидов А.Б.* Арабская рукописная традиция. М., 1985.
13. *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. М., 1984.

Древние города Дагестана

Город-музей Дербент

М.С. Гаджиев

На западном побережье Каспийского моря, там, где горы Кавказа почти подходят к морскому побережью, оставляя лишь узкую трехкилометровую полосу равнины, раскинулся древний Дербент – второй по величине и значению город Республики Дагестан и самый южный город Российской Федерации, крупный центр виноделия, ковроткачества, туризма. Дербент – один из древнейших городов Кавказа. Его история насчитывает пять тысячелетий. Возникнув в глубокой древности, он из маленького поселения превратился в один из крупнейших средневековых городов Востока. Он пережил бурные исторические события, штурмы и разрушения, периоды расцвета и упадка, служил ареной кровопролитной борьбы и «яблоком раздора». На него претендовали Римская империя и Парфия, Сасанидский Иран и Византия, Арабский халифат и Хазарский каганат, государство сельджуков и Золотая орда, сефевидские шахи и турецкие султаны, российские императоры. Здесь побывали многие известные полководцы и завоеватели средневекового Востока – выдающиеся арабские военачальники Маслама ибн Абдалмалик и Марван ибн Мухаммад, сельджукские полководцы Сау-Тегин и Йагма, прославленные соратники Чингиз-хана – Джебэ и Субудай, «Властелин мира» Тимур и правитель Золотой орды Тохтамыш, турецкий султан Селим и основатель государства Сефевидов шах Исмаил. В Дербенте пребывали знаменитый правитель Ирана шах Аббас и «Гроза Вселенной» Надир-шах. Здесь «прорубил окно» на Восток император Петр Великий.

Но Дербент привлекал внимание не только видных политических, государственных деятелей. О нем сообщают греческие и римские писатели, средневековые византийские, сирийские, кавказские, турецкие авторы. Ценнейшие сведения о Дербенте содержатся в трудах многих арабо-персидских историков и географов IX–XIII вв. и более позднего времени. Посетить Дербент и увидеть его достопримечательности стремились многие средневековые путешественники, которые в своих сочинениях оставили немало интересных, исторически значимых сообщений об этом древнем городе. Это арабы Ахмед ибн Фадлан (X в.) и Абу Хамид ал-Гарнати (XII в.), венецианцы Марко Поло (XIII в.) и Иосафат Барбаро (XV в.), русские Афанасий Никитин (XV в.) и Федот Котов (XVII в.), англичане Христофер Бэрроу (XVI в.) и Антон Дженкинсон (XVI в.), немцы Адам Олеарий (нач. XVII в.) и Георг Текандер (XVII в.), голландцы Ян Стрейс (XVII в.) и Корнелий де Брейн (кон. XVII–нач. XVIII в.), турок Эвлия Челеби (XVII в.) и многие другие.

Своей богатой историей и необычной судьбой Дербент в огромной мере обязан своему географическому местоположению. Он возник в одном из самых стратегически значимых мест знаменитого международного Прикаспийского пути – важной военной и торговой трассы, с древнейших времен связывавшей народы и страны Закавказья и Переднего Востока с Юго-Восточной Европой. Отсюда и немаловажная роль Дербента в истории многих племен и народов древности и средневековья. Отсюда и многочисленные (свыше 20) наименования этого города, данные ему теми или иными народами и подчеркивающие его географическое положение и стратегическое значение. Это такие названия, как *лат.*, *греч.* «Каспийские ворота», *греч.*, *ср. – перс.* «Албанские ворота», *арм.* Чор (от *вост.* – *иран.*, *ср.:* *ягноб.* чор «узкое место», *осет.* чух «узкий проход»), *груз.* Чора, Дзгвис-кари («Морские ворота»), *сир.* Торайе, *греч.* Тзур, Зуар, *араб.* Сул, Баб ал-абваб («Ворота ворот»), Баб ал-

хадид («Железные ворота»), *перс.* Дарбанд («Плотина ворот», «Узел ворот»), *тюрк.* Темир-капы («Железные ворота»), *рус.* Железные врата, Дербень и др.

Древние стены Дербента

Географическая ситуация и благоприятные природно-климатические условия обусловили обживание этого места с глубокой древности. Как установлено раскопками, которые ведутся в Дербенте с 1971 г. археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН сначала под руководством проф. А.А. Кудрявцева, а с 1996 г. – автора этих строк, первое поселение возникло здесь в эпоху ранней бронзы – на рубеже IV–III тысячелетий до н. э., т. е. пять тысяч лет назад. Многочисленные и разнообразные находки – остатки жилищ, ямы для хранения зерна, керамическая посуда, каменные топоры и зернотерки, кремневые вкладыши серпов и др. – говорят о том, что первыми поселенцами здесь были древние земледельцы.

На рубеже VIII–VII вв. до н. э. на вершине дербентского холма возводятся примитивные оборонительные сооружения. Возникновение здесь укреплений, контролировавших проход между морем и горами, видимо, было связано с активизацией кочевников – киммерийцев, скифов и савроматов, обитавших в южнорусских и предкавказских степях. Как сообщает древнегреческий историк, «отец истории» Геродот (V в. до н. э.), скифы, преследуя киммерийцев, «пошли верхней дорогой, оставляя Кавказские горы по правую руку», т. е. вдоль берега Каспийского моря, через Дербентский проход в Закавказье и Переднюю Азию, где они обосновались почти на 30 лет. Как полагают исследователи, этот поход состоялся в начале VII в. до н. э., и о пребывании скифов в Дербенте и Приморском Дагестане свидетельствуют, в частности, так называемые «скифские» наконечники стрел. Такие же наконечники стрел были найдены при раскопках древних городов Урарту, Ассирии, Вавилонии, подвергшихся нападениям воинственных кочевников.

Роль Дербента и Дербентского прохода особенно возрастает с последних веков до н. э., когда крупнейшие и могущественные государства античного мира – Рим и Парфия – столкнулись в борьбе за Кавказ. В их противоборстве большая роль отводилась воинственным кочевникам Северного Кавказа и Предкавказья – сарматам и аланам, которые привлекались римлянами и парфянами в качестве наемников. Превосходная, хорошо вооруженная конница номадов, пройдя через кавказские проходы, главными из которых были Дербентский и Дарьяльский, часто определяла исход военной кампании и влияла на политическую ситуацию на Кавказе.

Появление на рубеже эр в Дербентском проходе новых оборонительных сооружений нашло отражение в сведениях античных авторов. В I в. н. э. применительно к проходу начинает употребляться, наряду с обычным *portae*, *πύλαι*, *ύραι* («ворота», «проход», «двери», «вход»), название *claustra*, обозначавшее в военном отношении «пограничная крепость», «вал», «стена», «преграда». Замечу, что у авторов сер. – втор. пол. I в. н. э. Корнелия Тацита, Марка Аннея Лукана и Гая Валерия Флакка термин *Caspia claustra* (*claustra Caspiarum*) использован в военно-политическом контексте, при описании военных акций. Это усиливает понимание данного топонима как военно-стратегического объекта, наряду с его географическим значением.

Огромная стратегическая важность Дербента и проходившей вдоль каспийского побережья международной караванной дороги обусловили подготовку императором Нероном в 68 г. н. э. большого похода сюда. По сообщению древнеримского историка Тацита, для осуществления экспедиции «к Каспийским укреплениям, на войну против албанов» были собраны легионы из Германии, Британии и Иллирии. Но заговор и убийство этого императора, «прославленного» своими пороками, сорвало начавшуюся военную кампанию. Планы Нерона, очевидно, вскоре осуществил император Домициан, побывавший со своим войском на земле Кавказской Албании – древнего государства на территории современных Дагестана и Азербайджана. Об этом свидетельствуют римский государственный деятель и писатель Плиний Младший (62-113 гг.) и латинская надпись центуриона XII легиона Фульмината (Молниеносного) Л. Юлия Максима, обнаруженная недалеко от Баку.

Дербент. Цитадель Нарын-Кала.

Читателю, вероятно, будет интересно узнать, что греко-римские названия Дербента – «Каспийские ворота», «Каспийские укрепления», как и наименование моря, у которого они находились, происходят от имени племени каспиев, живших в Восточном Закавказье и хорошо известных в античном мире. О них рассказывает, например, Геродот: каспии вместе с другими восточнокавказскими племенами входили в одну из провинций-сатрапий державы Ахеменидов и состояли в армии древнеиранских царей. Каспии упоминаются в арамейских документах V в. до н. э. с острова Элефантина на Ниле и папирусах из раскопок Саккары, близ древнеегипетской столицы Мемфиса – там располагались их поселения, они несли воинскую службу и были кораблестроителями. В последних веках до н. э. они и другие племена Восточного Кавказа образовали государство Албания (*арм.* Алванк, *ср. – перс.* Аран), о котором ценные исторические сведения приводят античные писатели Страбон, Клавдий Птолемей, Плиний Старший и другие авторы. Название это происходит от имени одного из

ведущих и многочисленных племен страны – албанов – далеких родственников восточно-кавказских народов.

На рубеже эры Дербент становится важным военно-политическим и торгово-ремесленным центром Восточного Кавказа. Становлению Дербента как города в это время способствовало, наряду с другими внешними и внутренними причинами и факторами, усиление с последних веков до н. э. торгового значения Прикаспийского пути, известного античным писателям под названием *Caspia via* («Каспийский путь»), активизация всей международной торговли с эллинистического времени между центрами и периферией античного мира. По сообщению Страбона, по этой международной трассе активную караванную торговлю вели прикаспийские племена, которые перевозили «на верблюдах индийские и вавилонские товары, получая их от армян и мидян». Огромная роль в этих торговых связях отводилась сарматскому племени аорсов, обитавших в Северном Прикаспии и нижнем Подонье, и албанскому племени каспиев, специализированно занимавшихся караванной торговлей, разведением верблюдов, рыболовством. С конца II – начала I в. до н. э. начинается резкое увеличение потока парфянских серебряных монет-драхм в Кавказскую Албанию и поступление их отсюда через Приморский Дагестан в Нижнее Поволжье и на Северный Кавказ.

Прикаспийский путь на юге выводил к Экбатанам (Хамадан) – крупнейшему центру на Великом Шелковом пути, а на севере, в низовьях Терека, он имел ответвление – дорогу, ведущую в центральные районы Северного Кавказа и далее в Причерноморье, на Боспор. О функционировании северного участка Прикаспийского пути – от Терско-Сулакского междуречья до Нижнего Поволжья – свидетельствуют находки античных амфор в ногайских и калмыцких степях, а также поселения, могильники и отдельные комплексы предметов сарматского времени на территории Северо-западного Прикаспия. В последующую, раннесредневековую, эпоху эта дорога засвидетельствована уже арабскими авторами IX–X вв. как важнейшая международная караванная трасса, ведущая из Передней Азии и Закавказья через Дербент (Баб ал-аббаб), Семендер, Беленджер и далее по прикаспийским степям в Итиль – столицу Хазарского каганата.

Важным посредником в этих торговых контактах Севера и Юга выступал Дербент. Об этом, например, говорят найденные при раскопках многочисленные египетские и сирийские стеклянные и фаянсовые украшения, бусы из балтийского янтаря и провинциально-римские фибулы, другие находки. Особый интерес представляют костяная фигурка женщины, которая была привезена из далекой «златообильной» Бактрии, и обнаруженный близ Дербента клад бронзовых предметов, в который, помимо украшений, посуды, входили и около 20 монет могущественного правителя Египта Птолемея III Эвергета (246–222 гг. до н. э.). Это пока самый ранний на Кавказе клад эллинистических монет и единственный в этом регионе клад монет Птолемея Египта.

Сведения античных авторов – Геродота, Плиния, Страбона, Марцеллина, а также ряд археологических фактов и, прежде всего, доказанное специалистами функционирование Узбоя (древнего русла Амударьи, впадавшей в Каспий) в VII в. до н. э. – IV в. н. э. позволяют говорить о мореплавании на Каспии уже в ахеменидское и раннеэллинистическое время. Значение морской торговли на Каспии возрастает в последних веках до н. э. – первых веках н. э. Примечательно, что в списке населенных пунктов Кавказской Албании, приведенном в «Географии» Клавдия Птолемея с указанием их точных координат, несколько выделенных им городских центров, обозначенных термином «полис» (Телайба, Гел-да, Албана, Гайтара, Барука), расположены у морского побережья и на примерно равноудаленном друг от друга расстоянии. Это отражает историческую реальность, нашедшую археологическое проявление в местоположении крупных городищ, и подчеркивает их торгово-экономическую значимость, привязанность к международному Прикаспийскому пути и возможную роль некоторых из них как портовых центров.

Страбон, ссылающийся на Аристубула и Эратосфена, которые, в свою очередь, заимствовали информацию из отчета селевкидского флотоводца Патрокла, который ок.282 г. до н. э. «плавал кругом в Каспийском море», а также Плиний со ссылкой на Варрона сообщают о торговой трассе через Каспий из Окса (Узбой=Амударья) в Албанию к реке Кура и далее в Эвксинский Понт (Черное море). Позднее их дополняет Аммиан Марцеллин, который, рассказывая о Гиркании (*араб.* Джурджан) – важнейшей области Южного Прикаспия, сообщает, что «... многие живут здесь также и морской торговлей... Кроме многих незначительных городов, гирканы имеют два значительных, расположенных на берегу моря: Саканда и Сараманна». Естественно полагать, что названные наиболее крупные, приморские города Гиркании вели морскую торговлю не только (и, очевидно, не столько) по южному побережью Каспия, но и с более отдаленными прикаспийскими областями как на восточном, так и на западном побережьях. Важно указать и на то, что Клавдий Птолемей помещает один из населенных пунктов Албании – Барука – у устья Куры.

Рука об руку с торговлей шла политика. Коммерческие интересы, стремление к установлению контроля над торговлей и важнейшими торговыми трассами являлись одними из главных стимулов международной политики древности и средневековья, побуждавших племенных вождей и державных государей как на военные, так и на мирные внешнеполитические акции.

Дербент. Кладбище Кырхляр

Преемниками Рима и Парфии в борьбе за Кавказ в раннем средневековье стали Византия и Сасанидский Иран. В V–VI вв. иранские «цари царей» (шахиншахи) развернули на Восточном Кавказе грандиозное фортификационное строительство – возведение укрепленных городов, крепостей, так называемых «длинных стен», которые должны были защищать северные рубежи их державы от новой волны кочевников – на этот раз от нахлынувших тюркских племен гуннов, савир, тюрок, хазар. Одним из первых таких оборонительных сооружений, призванных противостоять воинственным гуннам, стали возведенные в 440-х гг. в правление шаха Йездигерда (439–457 гг.) сырцовые укрепления Дербента – цитадель на вершине дербентского холма и стена, полностью перекрывшая проход между морем и горами. Как показали археологические исследования этой оборонительной линии, эти стены имели толщину около 8 м. В 20 км южнее Дербента был сооружен опорный военно-стратегический пункт – город-крепость, получивший название Шахристани Ездигерд (что можно перевести с иранского как «Ездигердград») и возведенный, как сообщает древняя сирийская хроника, по приказу шаха Ездигерда II в области Чор. Ныне руины этого древнего города, расположенного в окрестностях пос. Белиджи, исследуются Дербентской археологической экспедицией.

Монументальным свидетелем той эпохи и выдающимся памятником оборонительной архитектуры являются каменные укрепления Дербента, которые и ныне, спустя полторы тысячи лет после их сооружения, поражают своим величием и мощью. Как и сотни лет назад, так и в наши дни каждый, побывавший в Дагестане, непременно посещает Дербент, чтобы своими глазами увидеть величественные стены и многие другие исторические достопримечательности этого древнего города.

Впечатляющие, грандиозные Дербентские укрепления породили немало легенд о них. С ними, например, отождествлялась стена-плотина, «Железные ворота», якобы возведенные Искендером Зу-ль-Карнайном (Александром Македонским) для защиты цивилизованного мира от набегов диких и свирепых племен Йаджудж и Маджудж (библейские Гог и Магог; см.: Иезекииль, 38,2; Откровение Иоанна, 20, 7). Эта легенда, получившая широкое распространение на христианском и мусульманском Востоке, приведена в Коране (сура «аль-Кахф», 97–98). А выдающийся Низами Гянджеви (1140–1202 гг.) в своей поэме «Искендер-наме», в главе, посвященной походу Искендера в Дербент, рассказывает о возведении им здесь «гранитно-булатной стены»:

*Царь велел – и с войсками проход перевала
Заградили хазары. Гранитная встала
На пути каменистом и узком стена,
И булатом была она вся скреплена
И тяжелым свинцом меж высоких утесов,
Ибо царь всех искуснейших каменотесов
И умелых вершителей горных работ
Вел с собой: обо всем был он полон забот.
И готова была всем набегам препона.
Царь собрался в свой путь. Развернули знамена...*

В действительности, ставшие всемирно известными оборонительные сооружения Дербента были построены в середине VI в. в правление самого могущественного иранского шаха династии Сасанидов – Хосрова I Ануширвана (531–579 гг.). По словам известного востоковеда Ричарда Фрая, «имя Хосров, как и имя Цезарь, стало для арабов обозначением сасанидских царей и одновременно синонимом великолепия и славы». Арабский историк IX в. ал-Балазури в своей «Книге завоевания стран» («Китаб футух ал-булдан») приводит рассказ о том, как Хосров Анушир-ван, желая возвести непреодолимые укрепления в Дербенте для защиты своих владений от вторжений хазар, предложил их *правителю-хакану* «мир, дружбу и согласие» и в знак этого «просил отдать ему в жены дочь». Обрадованный возможным в будущем притязаниям на иранский трон, хакан отправил хазарскую принцессу к шаху. Хосров же, воспользовавшись мирной обстановкой и дабы воины двух держав не враждовали меж собой, возвел «стену из скалы и свинца от моря до вершины гор» и «повесил у входа железные ворота». Ну, а вслед за этим шах возвратил принцессу обманутому отцу. В этом рассказе отразились реальные события, связанные с образованием могущественного Тюркского каганата и заключением ок. 555 г. между Ираном и каганатом союзного договора, закрепленного браком Хосрова и тюркской принцессы – дочери кагана Истеми (*араб.* Синджибу).

По сообщению более поздних авторов – Захир ад-Дина Мараши (ум. 1487) и Али Гилани (XVII в.), укрепления Дербента возводил по поручению Хосрова I его наместник, правитель Дербента Нарсе б. Джамасп.

Дербентские оборонительные сооружения включали цитадель, расположенную на отроге Кавказских гор и носящую ныне название Нарынкала (площадь ок. 3,5 га), и две длинные городские стены, параллельно протянувшиеся от цитадели до моря и полностью перегородившие приморский проход шириной 3,5 км. Между этими стенами, отстоявшими друг от друга на расстоянии 350–450 м, и располагался средневековый город. Площадь межстенного пространства составляет ок. 150 га. На оборонительных стенах города высечена 31 среднеперсидская строительная надпись середины VI в., представляющая собой своеобразный анклав сасанидской эпиграфики. В них упоминаются высокое должностное лицо Ирана,

глава финансово-налогового ведомства области Адурбадаган (в которую входили все закавказские владения Сасанидов) Дарпуша, осуществлявший от имени государства финансирование и контроль колоссальных фортификационных работ, и высокого ранга архитекторы или смотрители Мошиг и Адургушнасп. Имена же тысяч рядовых участников этой «стройки века» нам неизвестны, но на стенах Дербента имеются «автографы» многих из них в виде вырезанных знаков (свыше 500) – различных знаков, *нешанов, тамг, символов.*

Дербент. Пехлевийская надпись «Дарпуша». 569 г.

В V–VII вв. Дербент являлся важнейшим военно-стратегическим и административно-политическим пунктом Сасанидов на Кавказе, центром ремесла и торговли. О роли и значении города говорит, например, приводимый в письменных источниках факт – сасанидскому *наместнику-марзбану* (букв. «хранитель границы») Дербента была предоставлена привилегия восседать на золотом троне, в то время как избранному среди других марзбанов было дано право занимать серебряный трон. Вместе с тем это был и важный религиозный центр. Так, по информации Мовсеса Каланкатваца и Мхитара Айриванеци, здесь до 552 г. находился престол католикоса албанской церкви, а его дворец существовал в Дербенте и в начале VIII в. О зороастризме (государственной религии сасанидского Ирана) в Дербенте мы пока знаем еще мало; многие знаки, вырезанные на оборонительных стенах города, представляют собой зороастрийские символы, а в 2000 г. рядом с городом, в ущелье «Етти гоиляр» был открыт и исследован единственный в своем роде на Кавказе зороастрийский погребальный комплекс, представляющий собой высеченный в скале грот с камерами для выставления трупов (*дахма*) и хранения костей (*астодан*).

Третьей составной частью Дербентского оборонительного комплекса являлась стена Дагбары («Горная стена») – грандиозное фортификационное сооружение, которое по праву именуют Великой Кавказской стеной. Она отходила от юго-западного угла цитадели и по гребням и ущельям уходила в горы на расстояние более 40 км. Эта стена была укреплена системой башен, фортов, крепостей, расположенных в стратегически важных местах. Горная стена вместе с укреплениями Дербента представляла собой мощную, труднопреодолимую преграду, позволявшую надежно перекрывать и контролировать Прикаспийский коридор, обходные горные дороги и защищать северные границы государства от вторжений кочевников. Примечательно высказывание ал-Ма-суди, сделанное им в 934 г. в книге «Россыпи золота и рудники драгоценных камней» («Мурудж ад-дзахаб ва мадаин ал-джава-хир»): «Если бы Аллах Всевышний своим всеведением, всемогуществом и милосердием не помог правителям Ирана построить город ал-Баб и его стены на суше, в море и в горах, ... то цари хазар, аланов, сарирцев, тюрков и других народов, несомненно, дошли бы до областей Бардаа, Арран, Байлакан, Азербайджан, Занджан, Абхар, Казвин, Хамадан, Динавар, Нихаванд и других мест... вплоть до Ирака». С 1996 г. Дербентской археологической экспедицией ведутся широкомасштабные исследования этой фортификационной системы, стоящей в одном ряду с такими шедеврами оборонительного зодчества, как Великая Китайская стена,

Стена Искендера, Вал Адриана: выясняется ее точная протяженность, направление, система укреплений и архитектурные особенности, время активного функционирования и т. д.

Городские стены уходили в море, образуя порт. Подводными археологическими исследованиями установлено, что остатки этих стен прослеживаются в море на расстоянии ок. 270 м. Причем было определено, что в период строительства стен в VI веке уровень Каспийского моря был ниже современного примерно на 4 м, и часть ныне морских стен на расстоянии ок. 150 м в то время сооружалась на суше. Последовавшие в X в. подъем моря и затопление прибрежных участков обусловили, очевидно, сообщения многих арабских писателей этого времени о значительной длине стен, уходящих в море – от 1 до 3 арабских миль. Наиболее достоверные данные приводят ал-Истархи, писавший о расстоянии в 6 башен, и Хилаль ас-Саби, у которого длина морских стен составляет 600 локтей, т. е. ок. 300 м. Авторы первых веков хиджры – Кудама, ал-Балазури – сообщают и о способе возведения стен в море: «И приказал он (Хосров Ануширван. – М.Г.) возить на кораблях камни и бросать их в море, а когда они оказались над водой, то он построил на них стену, продолжив ее в море на три мили». Ал-Масуди и Закарийя Казвини дополняют эти сведения, рассказывая об использовании бурдюков при строительстве морских стен и порта.

В середине VI века Дербент, а точнее *Дарбанд*, получает свое название, сохранившееся до наших дней. Впервые оно упомянуто Ананием Ширакаци (VII в.) в его географическом трактате: «... до него (Каспийского моря. – М.Г.) доходит хребет Кавказа, на котором построена стена Дарбанда, что значит «связка» и «ворота», город стражи Чора, огромная башня, сооруженная в море». Это имя прочно закрепилось за городом, и его не вытеснили другие популярные наименования – тюркское *Темир-капы* и арабское *Баб ал-абваб*. В арабском названии города – «Ворота ворот» – было подчеркнуто особое политическое и географическое значение Дербента в Арабском халифате.

Первые отряды арабских воинов, предводительствуемые знаменитыми полководцами Салманом ибн Рабиа, Абдурахманом ибн Рабиа, Суракой ибн Амром, Абдаллахом Хабибом ибн Масламой, появляются в Дербенте – Баб ал-абвабе в 22 г. хиджры / 642–643 г. Абу Джафар ат-Табари и Ибн ал-Асир сообщают, что в этот год наместник-*шахрийар* Дербента Шахрбараз, представитель знатного и древнего иранского рода, «заключил с арабами мир, но джизью (подушная подать с иноверцев. – М.Г.) платить не хотел». Подчеркивая особое военно-стратегическое положение и значение города, он заявил: «Я нахожусь между двух врагов. Одни из них хазары, другие русы... Кроме жителей этих местностей, нет других, кто (мог бы) воевать в ними. Вместо джизьи мы будем воевать». Сурака ибн Амр, *амил* халифа Омара, пожаловал Шахрбаразу и жителям города грамоту, по которой «он договорился с ними, что они будут участвовать во всех походах и выполнять всякое дело, которое правитель (*вали*) сочтет благим. Кто согласен на это, тот освобождается от джиза, кроме призыва в войско, а призыв в войско – это замена их повинностей».

Однако укрепиться арабам здесь сразу не удалось. Только с 22 г. по 31 г. хиджры по приказу халифов Омара и Османа было организовано не менее пяти крупномасштабных походов на Восточный Кавказ. И одной из главных стратегических целей арабских полководцев было овладение Дербентом – Баб ал-абвабом – крупнейшим военно-политическим центром Кавказа, воротами в Восточную Европу.

Во время первых походов у стен Баб ал-абваба погибли в битве с хазарами полководцы-братья Салман и Абдаррахман ибн Рабиа. С их именами и их соратников народная традиция связывает самую почитаемую мусульманскую святыню Дербента – кладбище «Сороковник» (*тюрк.* Кырхляр, *перс.* Чэхэл танан). Оно расположено близ центральных северных городских ворот Кырхляр-капы, которые арабы называли Баб ал-джихад («Ворота Священной войны»). На огороженном участке кладбища имеется группа из 43 монолитных каменных саркофагов полуцилиндрической формы (длиной до 3,5 м), установленных над

погребениями *шахидов*-мучеников. К сожалению, время стерло имевшиеся на них куфические надписи. Подобные надмогильные плиты имеются и на южном городском кладбище, носящем название Джум-джум – по имени легендарного правителя. На одном из них арабская надпись простым и цветущим куфи сообщает: «Это могила Махмуда б. Абу-л-Хасана, сына убитого на пути Аллаха» и дата – 469 г. хиджры / 1076-77 г.

В результате длительных войн Дербент неоднократно переходил то к хазарам, то к арабам. Окончательно закрепились арабы в Дербенте – Баб ал-абвабе после походов ал-Джарраха ибн Абдаллаха и Масламы ибн Абдалмалика (брата халифа Хишама) в начале VIII в. В наместничество на Кавказе Масламы, а с 732 г. Марвана ибн Мухаммада (будущего халифа) Баб ал-абваб превращается в главный опорный пункт халифата на Кавказе, в важнейший административно-политический и религиозно-идеологический центр. Сюда из покоренных областей поступали налоги и дань, стекалась военная добыча, здесь находилась основная часть арабских военных сил на Кавказе, отсюда шло победное шествие ислама.

При Масламе в Дербенте проводятся большие строительные работы. Ал-Балазури рассказывает: «И построил (Маслама) амбар для провизии, амбар для ячменя и склад для оружия, он приказал вычистить цистерну, исправил разрушенные места в городе и украсил его». Сюда было переселено 24 тысячи воинов с семьями из Дамаска, Химса, Куфы, ал-Джезиры. Город был разделен на кварталы (*кием*). Это деление города на кварталы, именуемые ныне *магалы* (от араб. *махалла*), до сих пор сохраняется в старой части Дербента. В каждом квартале-магале была возведена мечеть, названная по имени жителей, живущих в нем: Хазарская, Палестинская, Дамасская, Химсская, Кайсарская, Джазирская, Мосульская. Кроме них, была построена еще пятничная мечеть Масджид Джами. Она сохранилась до наших дней и носит название Джума-мечеть. Надписи сообщают о строительстве ее в 115 г.х./733-734 гг. и реконструкции в 770 г.х./1368-69 г. мастером (*устанд*) Тадж ад-Дином б. Муса банна Бакуи.

Джума-мечеть в Дербенте является одной древнейших из ныне действующих мечетей в мире. Это уникальный архитектурный памятник, замечательный образец раннемусульманского зодчества. Есть основания полагать, что она была перестроена из христианского храма-базилики. Мечеть (длина ок. 70 м, ширина ок. 20 м) состоит из двух основных частей – длинного прямоугольного зала с двумя рядами каменных колонн (по 18 колонн в каждом) и подпрямоугольного квадратного зала, выступающего в центральной части южного фасада и перекрытого куполом диаметром более 9 м. В комплекс Джума-мечети входят обширный двор с тысячелетними чинарами и здание медресе, сооруженное в 879 г.х./1474-75 г. в правление ширваншаха Фаррух Йасара Дербенди и носящее его имя – ал-Фаррухийя.

Древнейшая официальная арабская надпись 176 г. х. / 792 г.

Мечети строились в городе на протяжении всей его средневековой истории. Так, например, историческая хроника «Дербенд-наме» сообщает, что знаменитый халиф Харун ар-Рашид (786–809 гг.), герой сказок «Тысяча и одна ночь», «сам прибыл в Дербенд, сделал многое для благоустройства. Он провел в Дербенд арыки с водой, построил мельницы, в каждом квартале построил амбары и мечети». Сведения о посещении Дербента халифом не подтверждаются другими достоверными источниками, но здесь наместниками пребывали

его полководцы Хафз ибн Умар и Хузайм ибн Хазим, который, как свидетельствует древняя хроника, «украсил Дербенд и благоустроил его». Один из списков той же хроники сообщает о пребывании в Дербенте сына Харун ар-Рашида, который был погребен в склепе близ дербентских ворот Кырхляр-капы. В этой связи весьма интересен уникальный эпиграфический памятник, открытый нами в 2001 г. близ города – огромная плита (154x73 см), ныне экспонирующаяся в музее в городской цитадели Нарын-кала, на которой высечена в высоком рельефе почерком куфи арабская надпись 176 г. хиджры / 792-3 г. Надпись сообщает о реставрации укреплений Дербентского оборонительного комплекса VI века и упоминает Кисру, т. е. шаха Хосрова Ануширвана (531–579 гг.), «Харуна, амира правоверных», т. е. халифа Харун ар-Рашида (786–809 гг.), и «наследника амира правоверных ал-Амин Мухаммада», т. е. старшего сына халифа, который, как известно, родился в 170 г.х. / 786-7 г., был назначен наследником в 175 г.х. / 792 г., стал халифом в 809 г. и был убит в 813 г. в ходе борьбы за трон со своим братом ал-Мамуном. Это одна из древнейших в мире официальных мусульманских арабских надписей.

Среди других старинных мечетей города следует упомянуть Минарет-мечеть XIV–XV вв. близ ворот Джарчи-капы («Ворота вестника»; *араб.* Баб ал-мухаджир) и Кырхляр-мечеть рядом с одноименными воротами, которая была возведена по повелению шаха Аббаса в 1036 г.х. / 1626 г.

Яркими историко-архитектурными памятниками города являются и сохранившиеся средневековые бани, которые наряду с мечетями, караван-сараями, базарами являлись центрами общественной жизни восточного города. На них обратил свое внимание знаменитый путешественник Эвлия Челеби, который посетил Дербент в 1647 г. и посвятил его описанию специальный параграф в своем «Сейахат-наме».

Городские ворота также представляют собой замечательные памятники средневековой архитектуры. Они не только имели оборонное значение, но и являлись украшением города. Своим архитектурным обликом, убранством они должны были говорить въезжающим в город о мощи и богатстве Дербента. Правители города на протяжении всей его средневековой истории уделяли большое внимание сохранности и виду городских ворот и стен, и поэтому современный исследователь находит в архитектурных элементах укреплений Дербента влияние различных исторических эпох и архитектурных стилей. Из восьми ворот, сохранившихся до наших дней, своим парадным видом особо выделяются Кырхляр-капы (*араб.* *Баб ал-джихад* «Ворота Священной войны») и Орта-капы («Средние ворота», *араб.* *Баб ал-хадид* «Железные ворота»), являющиеся центральными в северной и южной городских стенах.

Вот, например, как описывает первые ворота и другие архитектурные сооружения города арабский географ и историк IX-нач. X в. Ибн ал-Факих в своей «Книге о странах» («Китаб ал-бул-дан»): «В городе Баб над Баб ал-джихад на стене две колонны: на каждой колонне изображение льва из белого камня. Ниже их два камня, а на них изображение двух львов. Близ ворот изображение человека из камня: между ногами его статуя лисицы, а в пасти ее кисть винограда. В стороне от города водоем, известный под именем «водоем Масруф». В него ведет лестница, по которой спускаются в водоем, когда мало воды, по бокам лестницы два льва из камня, а над одним из них каменная статуя человека. Над домом правителей изображение двух львов также из камня, выступающее из стены. Жители Баба говорят, что это талисманы стены».

Упомянутые древним писателем свыше тысячи лет назад скульптурные изображения львов до сих пор украшают ворота, которые в целом сохранили свой первоначальный облик. Надпись на плите над проемом ворот сообщает о ремонтных работах, которые провел здесь в 842 г. хиджры / 1432 г. мастер (*уста*) Хаджи Ахмад. Рядом с ней расположена персидская стихотворная надпись того же времени:

«Во время шаха Ширвана Султан Халила, предводителя, это укрепление приведено в порядок, и эта крепость стала [надежным] укрытием,

смута Йаджуджа возвратилась назад как при Искандаре, так, что слава этой постройке распространилась в городах неверных.

Да пребудет благоустроенным основание его стен до дня собрания! Да продлится его царство многие века!

Будь вестником полученного известия о годе: если хочешь вычислить дату этого, то возьми [слово] вестник».

Последнее слово в этой надписи приведено по-арабски и в числовом обозначении букв соответствует 842 г. хиджры. Необходимо сказать, что Дербент – это не только музей-заповедник, но и уникальная «библиотека под открытым небом», насчитывающая сотни эпитафических памятников на арабском, персидском и среднеперсидском языках. В 2002 г. исполнилось 280 лет со времени начала изучения эпитафических памятников города – в августе 1722 г. князь Дмитрий Кантемир, сопровождавший Петра Великого во время его Каспийского похода и возглавлявший походную канцелярию императора, положил начало сбору и изучению надписей Дербента. И до сих пор город продолжает открывать исследователям свои «хранилища» памятников письменности. Среди последних открытий – шесть среднеперсидских надписей VI века и несколько раннеарабских надписей VIII–XIII вв.

Ворота южной городской стены, носящие название Орта-капы, были возведены в VI в., на что указывают архитектурные особенности их. А в рабжабе 435 г. хиджры / феврале-марте 1044 г. мастер Ахмад б. Абу Али б. Йунус перестроил ворота – об этом сообщает надпись на камне над воротами, начертанная почерком *куфи*.

Дербент. Ворота Баят-капы

В VIII – нач. XIII вв. Дербент – Баб ал-абваб являлся не только важным военно-политическим, религиозным, но и торгово-ремесленным, культурным центром. Это был один из крупнейших городов Кавказа и всего мусульманского мира. Его застроенная территория в этот период составляла свыше 150 га, и по площади он превосходил такие известные города, как Дамаск, Иерусалим, Кайсарийа, Бейрут, Химс, Тир, Ардебиль и другие, а численность населения составляла несколько десятков тысяч человек. Структурно Дербент – Баб ал-абваб состоял из цитадели (*кала*), собственно города (*шахристан*, *мадина*) и пригорода (*рабад*). В городе располагались правительственное здание (*дар аз-заим*), дворец военачальников (*каср ал-каудин*), общественные сооружения, бани, площади и базары, фонтаны и водохранилища, караван-сарай и склады, ремесленные и жилые кварталы. В цитадели находился комплекс дворцовых сооружений правителей Баб ал-абваба, остатки которого были открыты в ходе археологических раскопок.

Данные археологии и эпиграфики, сообщения древних авторов свидетельствуют о развитии в городе в этот период различных ремесел и, прежде всего, таких, как гончарство (в том числе производство высокохудожественной глазурованной керамики) и стеклоделие, металлообработка и ювелирное дело, строительное дело и камнеобработка, ткачество и ковроделие и другие. Дербентские сочинения XI века упоминают такие профессии, как дубильщик кожи, валяльщик шерсти, портной, шорник, бумагоделатель, продавец книг, продавцы

хлопка, дров, рыбы, купец, зеленщик, мыловар. Ремесленники были объединены в торгово-ремесленные корпорации-гильдии, во главе которых стояли начальники-*раисы*. Источники упоминают и раиса раисов (*раис ар-руаса*), который занимал в социальной структуре города одно из самых высоких мест. Торгово-ремесленная аристократия Дербента, известная в хрониках под арабским именем *а'йан ас-су – фуф* («знать [торговых] рядов»), в X–XI вв. обладала фактической властью в городе, и влияние ее на политическую жизнь в Баб ал-абвабе было столь огромно, что раисы неоднократно изгоняли из города не устраивавших их эмиров. Об этом сообщается в дербентской хронике XI века «Тарих Баб ал-абваб». Первый исследователь этого сочинения, известный востоковед В.Ф. Минорский верно подметил, что социальная структура Дербента этого времени напоминает строй Новгорода Великого.

Те или иные ремесленники проживали в определенных кварталах. Такое территориально-производственное деление сохранялось в городе еще в XVIII в. Для XI в., например, есть упоминание о квартале медников. В этой связи следует заметить о находках и производстве в Дагестане и, в частности в таком специализированном центре, как Кубачи, бронзовых котлов XI–XIV вв. хорасанского типа, а также бронзовых зеркал с изображениями сфинксов и арабскими благопожелательными надписями, известных и по находкам их в средневековых городах Поволжья, Средней Азии. Первоначальным местом их изготовления была иранская провинция Хорасан – знаменитый центр художественной металлообработки средневекового времени.

Арабские писатели IX–XIII вв. ал-Истархи, Ибн Хаукал, Идриси, Балами, Йакут отмечают производимые в Дербенте – Баб ал-абвабе льняные ткани и одежды, которыми славился город и которые находили широкий спрос в Азербайджане, Ираке, Фарсе, Кермане, Табаристане, Хорасане и других областях и странах. Дербентская хроника XI в. упоминает в городе шелководу (*хаз-зав*). А знаменитый итальянский путешественник, венецианец Марко Поло (1254–1324 гг.), посетивший город в конце XIII в., сообщает о генуэзских купеческих кораблях на Каспии, на которых перевозили шелк «желл». Он же писал о городах Кавказа: «Много тут шелку; возделывают здесь шелковые и золотые ткани; таких красивых тканей нигде не увидишь».

Неизвестный автор сочинения «Аджа'иб ад-дунья» («Диковинки мира») начала XIII в. отмечает о продаже в городе мехов бобра, соболя, белки. Через город на юг поставлялись мед, воск, шерсть, ртуть, красители (марена и шафран). Баб ал-абваб был в этот период крупнейшим на Кавказе центром работоторговли.

Дербент поддерживал тесные торговые связи со многими городами и областями Передней и Центральной Азии, Восточной Европы – об этом сообщают и средневековые авторы, и многочисленные археологические находки. При раскопках здесь обнаружены иранские фаянсовые, кашиновые, люстровые блюда и чаши, китайская и корейская посуда из высококачественного фарфора (селадон и краклэ), импортные стеклянные браслеты и сосуды. Среди иноземных монет, найденных в Дербенте, имеются монеты маликов Ахара, зангидов Мосула, сельджукидов Рума, зангидов Синджара, эюбидов Египта, хорезмшаха Джалал-ад-Дина, ильханов-Хулагуидов, джучидов Золотой орды, Музаффаридов, Джелаиридов, Тимюридов и другие. Город являлся важным центром на Великом Шелковом пути и был активным посредником в торговле Востока и Запада, Севера и Юга. Торговые пошлины составляли важнейшую статью его доходов.

Как справедливо отмечал проф. А.А. Кудрявцев, бурное развитие торговли в Дербенте было определено расцветом со второй половины VIII в. «арабской» торговли в Прикаспии, когда Прикаспийский путь стал столь же известен, как и знаменитый Шелковый путь. Если Великий Шелковый путь, имевший широтное направление, тянулся с Запада на Восток, от Китая и тихоокеанского побережья до Западной Европы и Атлантики, то Волжско-Каспийский путь имел меридиональное направление, соединяя Север и Юг, страны и народы от

Аравии и Индийского океана до Балтики и Скандинавии. И здесь, на западном побережье Каспия, в Дербенте, перекрещивались эти важнейшие международные магистрали Евразии, здесь располагался «перекресток цивилизаций». По этим трассам не только шел обмен необходимыми товарами, заморскими изделиями, но происходило широкое взаимообмен культурных, научных, хозяйственно-технических достижений, знаний, идей, ценностей, традиций, осуществлялось познание окружающего мира, общение и взаимопонимание друг друга. Эти магистрали были важнейшими каналами передачи и обмена информацией.

Дербент – Баб-ал-абваб в VIII–XIV вв. – это крупнейший порт на Каспийском море. По сведениям арабских географов, сюда прибывали торговые корабли из Джурджана, Табаристана, Джилана, Аррана, Хазарии, Руси, Волжской Булгарии и других областей циркумкаспийского региона. В книге ал-Истахри (849–934 гг.) имеется специальная глава, посвященная Каспийскому морю, его границам, странам и народам, географии купеческих маршрутов и т. д. Особое внимание уделено морской трассе с Южного Прикаспия (из Абескуна) на Волгу (в Итиль) через Дербент: «От Абескуна до Хазарии и по западному, и по восточному берегу моря по 300 фарсахов. При благоприятном ветре море пересекают от Табаристана до Баб ал-абваба за одну неделю». Как показали подводные археологические исследования, дербентская гавань занимала около 14 га. Так, например, описал порт Дербента ал-Истахри: «Город Баб ал-абваб лежит при море, а в середине его гавань для судов. Между гаванью и морем, по обе стороны моря, построены две стены, так что вход для судов узок и труден, а у входа протянута цепь, и, таким образом, суда не могут выйти или войти без приказа. Эти две стены построены из камней и свинца». Подобную информацию приводят ал-Идриси (1100–1165 гг.) и Йакут ал-Хамави (1179–1229 гг.). Ибн Хаукаль (X в.) дополняет: «... в устье фарватера протянута цепь подобно цепи в Тире (Сур) и Бейруте», а ал-Мукаддаси в качестве аналога называет еще и Акку Здесь следует заметить, что гавань Дербента этого времени, представлявшая собой две параллельные морские стены, в некоторой степени была схожа с планировкой древнего северного порта Тира, имевшего два параллельных мола.

Ал-Балазури и Ибн Хаукаль сообщают и о специальном коменданте порта – «владельце замка» (*сахиб ал-куфл*), который давал разрешение на вход и выход из гавани. Идриси называет его «владелец моря» (*сахиб ал-бахр*). Добавим, что ал-Куфи (ум. 926 г.) в числе ворот Дербента упоминает Якорные Ворота (*Баб Арса*), которые, вероятно, располагались в поперечной городской стене вблизи моря, а по информации ал-Мукаддаси, в Дербенте «много есть ворот со стороны моря». Много позже, в 1647 г., о портовых воротах города сообщает Эвлия Челеби: «Над портовыми воротами, выходящими на берег моря, на персидском языке написаны стихи и *тарих* о том, что стены эти после Йездигерд-шаха достраивал Хозер-шах (очевидно, Хосров I Ануширван. – М.Г.). ... Ныне стены и башни [прежней постройки] виднеются и в глубинах моря. Длина стены, идущей от берега моря, равна расстоянию, которое пролетает стрела».

Арабские авторы сообщают и о различных типах судов, которые плавали на Каспийском море – *сафина*, *маркаб*, *заурак*. При подводных археологических работах в акватории Дербента было обнаружено 15 каменных якорей, которые экспонируются в цитадели Нарын-кала. Они представляют несколько конструктивных типов и изготовлены из крупных, хорошо отесанных плит, со специальными отверстиями для каната и деревянных кольев-лап. Все они были выявлены в акватории Дербента на расстоянии до 600 м от берега, вне комплексов. Обнаружение их за пределами порта, изолированно, без каких-либо иных находок позволяет полагать, что они были потеряны по каким-то причинам во время стоянки судов на рейде. Только один якорь был обнаружен на территории гавани, рядом с оконечностью развала северной морской стены.

Подобные каменные якоря найдены на Средиземном и Черном морях, где они использовались еще в III–I тыс. до н. э. Их можно увидеть, например, в городе-музее Кейсария

(Израиль). На Каспии такие якоря обнаружены, помимо Дербента, на азербайджанском побережье. Известный подводный археолог В.А. Квачидзе датирует их IX–XIV вв. по времени функционирования частично затопленного городища Бяндован, где они также были выявлены. С этой датировкой каменных якорей, обнаруженных на Каспии, можно согласиться. Этот период – время наиболее интенсивного мореплавания и морской торговли на Каспии и, в частности, в Дербенте, и это косвенно может указывать на датировку каменных якорей. Хотя, возможно, они имели более широкий хронологический диапазон бытования. Так, например, мы имеем свидетельство венецианского дипломата Иосафато Барбаро (XV в.) об увиденных им в Дербенте и вышедших к тому времени из употребления громадных якорях весом 800 и более ливров (ок. 400 кг). В его же время на каспийских судах уже употреблялись якоря весом 150–200 ливров, т. е. ок. 75–100 кг.

Развитие торговли приводило к развитию денежного обращения. Уже с начала VIII в. арабские наместники Баб ал-абваба начали чеканить в городе от имени халифов серебряные и медные монеты (дирхемы и фельсы), что подчеркивало политическое и экономическое значение города и отражало необходимость в пополнении денежного потока. Монетная чеканка существовала в городе на протяжении всего средневековья, и дербентские монеты, судя по местам их находок, имели хождение не только на Кавказе, но и в Юго-Восточной Европе, в Средней Азии, на Переднем Востоке.

Наместники, управлявшие городом, назначались халифом из числа видных военачальников, и они обладали значительной военной силой и властью. Не случайно Марван ибн Мухаммад, бывший правителем этого далекого пограничного города, в 126 г. хиджры / 744 г., в трудный для Арабского халифата момент прямо отсюда отправился в Багдад и занял престол, став последним халифом из династии Омейядов.

В 255 г. хиджры / 869 г. в Баб ал-абваб наместником был назначен Хашим ибн Сурака. Вскоре он воспользовался политическими распрями в Багдаде, войной халифа Мухтади с мятежными тюркскими эмирами, а также особым положением и удаленностью Дербента и добился фактической независимости города и его округа. Заручившись поддержкой наиболее влиятельных представителей местного общества – знати-*раисов* и *гази*ев-борцов за веру, Хашим б. Сурака был объявлен *амиром* Баб ал-Абваба. С этого времени и на протяжении 200 лет (с кратковременными перерывами) Дербентом правила династия Хашимидов. Лишь в 1067 г., когда сульджукский султан Алп-Арслан послал в Дербент своего *хаджиба* Сау-Тегина с войском, правителем города им был поставлен Аглаб ибн Али – представитель влиятельного и многочисленного рода, члены которого занимали в городе важные административные должности. А в 1075 г. пограничная область Дербента была пожалована султаном Сау-Тегину, имя которого стало читаться «в хутбе после имени султана с кафедр [мечетей] пограничной области».

Об этих и других политических событиях IX–XI вв. в Дербенте и на Восточном Кавказе рассказывает историческая хроника «Тарих Баб ал-абваб». Она была написана в конце XI в. неизвестным автором, возможно, влиятельным шейхом Маммусом ал-Лакзи ад-Дарбанди. Необходимо отметить, что VIII– начало XIII в. в истории Дербента отмечены не только ярким экономическим подъемом, расцветом ремесел и торговли, но и всей городской жизни, городской культуры, развитием и распространением арабской письменности и языка, книжной культуры и научной мысли. И названное историческое сочинение – яркий образец той эпохи, замечательный памятник истории и культуры. К этому времени относятся и ранние части другого широко известного исторического сочинения – «Дербенд-наме». Экземпляр этой рукописи был торжественно преподнесен в 1722 г. наибом Дербента Петру I при его вступлении в город, а в 1851 г. известнейший востоковед, уроженец Дербента, профессор Казанского университета и декан восточного факультета Санкт-Петербургского универси-

тета Мирза Казем-бек (1802–1870 гг.) издал английский перевод этого труда по истории его родного города.

В XI веке в Дербенте теолог и мистик Абу Бакр Мухаммад ибн Муса ад-Дарбанди завершил свой уникальный труд под названием «Базилик истин и сад тонкостей» («Райхан ал-хака'ик ва бустан ад-дака'ик»), который был обнаружен относительно недавно и стал предметом пристального изучения специалистов. Этот капитальный религиозный трактат, представляющий собой суфийскую энциклопедию, является важнейшим источником по истории ислама на Кавказе, в Иране, Ираке, Аравии и других областях халифата. Его автор получил образование в Дербенте, затем много странствовал по халифату, обучаясь у знаменитых ученых и, вернувшись в родной город, основал здесь суфийский *маджлис*. В городе, по сообщению самого ад-Дарбанди, существовали и суфийские общины (*та'ифа, завийа, ханака*). С этого времени Дербент становится одним из центров исламского мистицизма, в Дагестане появляются различные суфийские *школы-мазхабы*, тарикатские братства, получают распространение сочинения известного мусульманского мыслителя Абу Хамида Мухаммада ал-Газали (1058–1111 гг.), у которого обучались многие дербентские и дагестанские суфии. Письменные источники донесли до нас имена многих шейхов, нескольких десятков ученых – выходцев из Дербента, которые постигали науки в ведущих научных центрах халифата, в т. ч. в знаменитом медресе ан-Низамийа в Багдаде, и получили признание и известность в образованных кругах исламского мира. О роли и значении ислама и суфизма в средневековом Дербенте свидетельствуют, например, материалы проведенных в 2002–2004 гг. раскопок обнаруженного (ныне забытого и не функционирующего) мусульманского культового места, известного еще в XVIII–XIX вв. под названием *араб. Баб ал-Кийама, тюрк. Кийамат-капы, перс. Дар-и Кийамат* («Ворота Воскресения» или «Ворота Судного дня»). В рукописи «Баб ал-абваб шухедалери» («Мученики-шахиды Баб ал-абваба») среди 50 *шахидов* XI-нач. XII в., похороненных на кладбищах города, назван и Пир-Нал'банд, носивший титул «*султан газиев* Ворот Воскресения» (*султан дарвазе-е кийамат газийан*), т. е. он являлся предводителем отряда воинов-*газиев* (борцов за веру), несших службу у «Ворот Воскресения» – памятника, который вновь был выявлен в наши дни и исследовался археологами.

В 1130 г. Дербент посетил испанский араб Абу Хамид ал-Гарнати, много путешествовавший по мусульманскому Востоку «в поисках знаний». Здесь он поселился у эмира Абул-Касима, вместе с которым читал книгу известного богослова-шафиита ал-Маха-мили, вел лекции по шафиитскому праву на арабском языке, а эмир переводил их присутствующим на многочисленные дагестанские (лезгинский, даргинский, кубачинский, аварский и др.), аланский, тюркский языки. Это яркое свидетельство многонационального состава населения города.

Выше приведенные сведения наглядно показывают ту важную роль, которую играл Дербент – Баб ал-абваб в политической, экономической и культурной жизни средневекового мусульманского Востока и особенно в VIII– начале XIII в. Это был период наивысшего расцвета в истории города, его «золотая» эпоха.

Начало XIII в. ознаменовалось трагической страницей в истории многих народов Азии и Европы: объединенные под властью Чингиз-хана монголы начали огнем и мечом покорять одну страну за другой, превращать в руины цветущие города. «Не было от сотворения мира катастрофы более ужасной для человечества и не будет ничего подобного до окончания веков и до страшного суда», – писал современник этих событий арабский историк Ибн ал-Асир. В 1222 г. отборные монгольские войска во главе с лучшими полководцами Чингиз-хана – Джебэ и Субудаем, разорив многие области и города Средней Азии, Ирана, Закавказья, появились у стен Дербента. Как сообщают иранский летописец и энциклопедист Рашид ад-Дин (1247–1318 гг.) и армянский историк XIII в. Киракос Гандзакечи, монголы

не стали штурмовать мощные укрепления Дербента, а обошли город, предприняв труднейший переход через горы Дагестана и столкнувшись с яростным сопротивлением дагестанских народов. Однако вскоре после этих событий, в 1239 г., Дербент был занят ими. Хотя город не был разрушен, тем не менее его экономика была подорвана, торговые связи с центрами Закавказья, Переднего Востока, Восточной Европы нарушены. О последствиях монгольского завоевания Дербента сообщает Вильгельм Рубрук – посол французского короля Людовика IX Святого к монгольскому хану Менгу, посетивший город в 1253 г. и записавший в своем дневнике: «...земля этого города считалась прежде за настоящий рай земной».

Бедственное положение Дербента усугублялось и ожесточенной столетней борьбой между преемниками империи Чингиз-хана – монгольскими правителями Ирана (Ильханы-Хулагуиды) и Золотой орды. Будучи важным стратегическим центром, город стал «яблоком раздора» между двумя державами и десятки раз переходил из рук в руки. В результате обживаемая территория и население города сократились в несколько раз, прекратил свое существование пригород. В дальнейшем Дербент так и не смог оправиться от этих катастрофических событий, несмотря на предпринятые попытки возрождения и в XV в. при ширваншахах Дербенди, и в XVII в. при шахе Аббасе, и в XVIII в. при Фет Али-хане. Но и в это время Дербент сохранял свое значение: ал-Умари сообщает о караванном пути от Баку и Дербента через Золотую орду в Китай.

Во второй половине XIV в. на историческую арену вышел новый выдающийся политический деятель и завоеватель Тимур, создавший сильное централизованное государство и претендовавший на мировое господство. «Как существует один бог на небе, так должен быть один царь на земле», – любил повторять он. В 1395 г. «Властелин мира» (*перс.* Джохангир), как именовали Тимура, со своими войсками вторгся на Кавказ, желая разгромить своего главного противника – правителя Золотой орды Тохтамыша. Первым из владетелей Дагестана с Тимуром столкнулся эмир Дербента Ибрахим I Дербенди, гибкий и дальновидный политик. Средневековые авторы – Джаннаби, Мюнеджжим-баши, Йезди и другие – приводят рассказ о том, как Ибрахим, зная силу и мощь Тимура и стремясь сохранить свой народ и владения от разорения, решил выразить ему покорность. Он отправился в ставку Тимура и преподнес ему богатые дары, причем каждого по девять, как это было принято у монгольских владык. Но рабов Ибрагим подарил лишь восемь и удивленному завоевателю заявил: «Девятый – я сам». Этот ответ так понравился Тимуру, что он назвал его сыном, одарил почетной одеждой и утвердил его во владениях Дербента и Ширвана – обширного государства на Восточном Кавказе к югу от Дербента и бывшего до этого главным политическим соперником Дербента.

Ибрахим (ум. 1417 г.) стал основателем новой династии шахов Ширвана – династии Дербенди. В правление Ибрахима, его сына Халил-уллаха (ум. 1465 г.) и внука Фаррух Йасара (ум. 1500 г.) в Дербенте, как и во всем их государстве, отмечается подъем городской жизни, оживление экономики, ремесел, торговли. Об этом свидетельствуют сохранившиеся архитектурные и эпиграфические памятники, указывающие на активную строительную деятельность ширваншахов Дербенди, а также археологические и нумизматические материалы. В городе реставрируются оборонительные сооружения, перестраиваются и украшаются городские ворота, возводятся новые мечети и медресе. Надпись над входом в здание медресе при Джума-мечети в Дербенте сообщает:

«Это медресе ал-Фаррухийя приказал построить всецело принадлежащий лику Аллаха, стремясь угодить ему и убегая от наказания, обладатель благороднейшего в мире поведения, справедливостью превосходящий эмиров времени, султан, ширваншах для учащихся, которые будут в нем получать знания по шариатским наукам до конца света. В дату: восемьсот семьдесят девятый год хиджры» (1474-75 г.).

Наиболее ярким же памятником архитектуры той эпохи, в котором воплотился расцвет государства ширваншахов, является дворцовый ансамбль в городе Баку, ставшем новой резиденцией ширваншахов. С этого времени Дербент начинает постепенно передавать Баку «пальму первенства» средневековых городов Кавказа.

Дербент еще долгое время оставался важным военно-политическим и торгово-ремесленным центром, за обладание которым вели борьбу иранские шахи, турецкие султаны, российские императоры. Однако былого величия и славы, мощи и значения город так и не обрел.

Сегодня вновь возрастает геополитическое значение города, ставшего южными «воротами» России. Сегодня, как и в былые времена, многонациональный Дербент также радушно и гостеприимно распахивает свои древние ворота для многочисленных гостей, стремящихся познакомиться с городом-музеем, с его легендарными стенами и многими достопримечательностями. Отрадным явлением в жизни современного города, всего Дагестана и России явилось включение Дербента в Список памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО, занявшего подобающее ему почетное место в числе выдающихся памятников истории и культуры нашей планеты.

Литература

1. *Гаджиев М.С., Касумова СЮ.* Среднеперсидские надписи Дербента. М., 2006.
2. *Гурлев И.А., Хан-Магомедов СО., Малкин Г.А.* Дербент. Путеводитель по городу и окрестностям. Махачкала, 1976.
3. Дербенту– 5000 лет. Путеводитель / А.А. Кудрявцев; сост. Б.Ш. Нувахов. М., 1989.
4. *Кудрявцев А.А.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976.
5. *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. М., 1982.
6. *Кудрявцев А.А.* Феодалный Дербент: пути и закономерности развития города в VI – сер. XIII вв. М., 1993.
7. *Хан-Магомедов СО.* Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979.
8. *Хан-Магомедов СО.* Дербентская крепость и Дагбары. М., 2002.
9. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–XVII вв. / Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л.И. Лаврова. М., 1966.

Аулы-столицы, административные и торгово-ремесленные центры. Союзы сельских обществ

Кубачи – столица государственного образования Зирихгеран и крупный центр средневековой художественной культуры

М.М. Маммаев

Широко известное селение оружейников и златокузнецов Кубачи является одним из древнейших населенных пунктов Дагестана. Об этом свидетельствуют археологические данные, сведения средневековых арабских и персидских письменных источников, дагестанских исторических сочинений, а также исторические предания и легенды, памятники искусства и эпиграфики кубачинцев, их традиционный фольклор. Возникнув еще в глубокой древности в довольно выгодной в стратегическом отношении горной местности, в раннем средневековье благодаря своему географическому положению и высокому экономическому развитию оно стало центром государственного образования Зирих-геран, игравшего важную роль в экономической, политической и культурной жизни Дагестана.

В историко-географических трудах раннесредневековых арабских авторов сел. Кубачи упоминается в связи с со(носящимися к VI в.н. э. под персидским названием что означает кольчугоделатели, бронники. С XV в. получает тюркское название Кубачи с тем же смыслом в дагестанских исторических хрониках вплоть до обозначения населенного пункта кубачинцев употр именованье Зирихгеран.

Сел. Кубачи. Старая часть. Фото 70-х годов XX в.

В средневековых восточных письменных источниках и дагестанских исторических сочинениях Зирихгеран фигурирует наряду с такими известными раннефеодальными государственными образованиями, как Лакз, Табасаран, Кайтаг, Гумик, Серир, Филан и Шандан. При этом под названием Зирихгеран подразумевается как столица, так и все «царство» (или «владение») – государственное образование, включающее, кроме собственно сел. Кубачи и окружающих его в радиусе 3-12 км небольших населенных пунктов Анчибачи (Панчибачи), Дацамаже (Дацамажила), Дешиже (Дешижила), Кубасана (Кьубасанала), Мугле (Муглила), еще ряд селений Кубачино-даргинского нагорья – Амузги, Ашты, Сулевкент, Шири и другие.

Зирихгеран как самостоятельное государственное образование впервые упоминается арабским историком IX в. ал-Белазури (ок. 820–892 гг.) в сочинении «Книга завоевания стран» («Китаб футух ал-булдан»). Описывая исторические события, относящиеся к VI в., ал-Белазури пишет, что правитель Ирана Хосров Ануширван (531–579 гг.), в царствование

которого были возведены грандиозные оборонительные сооружения Дербента, назначил царей в каждой отдельной области (имеется в виду Лакз, Табасаран, Хамзин, Гумик, Серир, Филан) и утвердил владетеля Зирикирана, обязав его платить ему подати.

Излагая арабские завоевания в Дагестане, тот же ал-Белазури указывает, что военачальник Мерван ибн Мухаммад, захватив в VIII в. Серир и Туман (Гумик) и обложив их ежегодной данью (рабами, зерном, скотом), «вступил в землю Зирикеран, владетель которой заключил с ним мирный договор с обязательством доставлять [в распоряжение арабских властей] ежегодно пятьдесят юношей и привозить десять тысяч мер [зерна] в зернохранилище Дербента», ставшего еще в середине VII в. н. э. резиденцией арабских наместников и важным опорным пунктом дальнейших арабских завоеваний в Дагестане и на Северном Кавказе.

Другой арабский историк и географ IX в. ал-Йакуби (ум. в 987 г.) в книге «История» («Тарих») также указывает, что Мерван, покорив в VIII в. Серир и Туман (Гумик) и обложив их данью, «вторгся в землю Зирикеран, царь которой заключил с ним мир», обязавшись уплачивать ему ежегодные налоговые подати (джизья) и поземельные налоги (харадж).

О Зирихгеране как о «царстве» («владении») пишет также знаменитый арабский путешественник, географ и историк X в. ал-Масуди (ум. в 956 г.), посетивший большую часть известных тогда мусульманских стран, в том числе страны, расположенные по берегам Каспийского моря. В XVII главе своего труда «Луга золота и рудники драгоценных камней» («Мурудж ад-дзахаб ва мадаин ал-джавахир»), представляющей собой систематическое описание Кавказа и его племен, сообщает о занятии и религии жителей Зирихгерана, дает перечень изготавливаемых ими металлических изделий. Он пишет: «Затем в сторону Сарира и гор-владение Зарикаран (Зирих-Гаран), что означает «мастера кольчуг», потому что большинство из них делает кольчуги, стремена, уздечки, мечи и другие виды оружия из железа. Они исповедуют различные религии: ислам, христианство и иудейство. Их страна гористая, и это защищает их от соседей».

Сведения ал-Масуди являются ценными и самыми ранними известиями о ремесленном производстве предков кубачинцев-зирихгеранов.

На основе сообщений ал-Белазури, ал-Йакуби и ал-Масуди можно сделать следующее заключение: поскольку в VI в. н. э. «царство» или «владение» Зирихгеран выступает как сложившееся самостоятельное политическое образование с центральной властью во главе с правителем (ал-Белазури именуется его сахиб, т. е. владетель, ал-Йакуби – малик, т. е. правитель, царь), то формирование его, как, впрочем, и других перечисленных выше сравнительно небольших государственных образований раннесредневекового Дагестана, следует отнести к значительно более раннему времени – к IV–V вв. н. э. Это находит подтверждение и в сообщениях раннесредневековых армянских авторов, писавших в V в. н. э. об «одинадцати царях» горцев, выступавших в 457 г. в союзе с албанским царем Ваче II против сасанидского Ирана.

Можно с уверенностью сказать, что административно-политическим центром – «столицей» Зирихгерана являлось селение, именуемое по-кубачински Угъубаже (Пугъубаже) – Кубачи, так как Зирихгеран по-персидски означает «кольчугоделатели», «кольчужники» или «бронники», а Кубачи с древнейших времен являлось одним из наиболее крупных на Северо-Восточном Кавказе, высокоразвитых очагов металлообработки – оружейного производства, художественного бронзового литья и ювелирного дела.

Как наиболее сильное и влиятельное селение среди окружающих его аулов, Кубачи служило первоначальным ядром складывающегося «царства». Но чтобы именно это селение стало таким ядром, основой будущего государственного образования, а затем его политическим центром, оно должно было быть экономически достаточно высокоразвитым, а в политическом отношении выступать организующей и объединяющей силой, что, естественно,

предполагает довольно длительный период его экономического и социально-политического развития. Эти соображения, а также археологические данные позволяют говорить о том, что селение Кубачи существовало уже в первые века нашей эры как укрепленный родовой (тухумный) поселок на месте нынешнего расположения верхнего и среднего кварталов старой части современного поселка, занимая при этом весьма удобное в географическом и выгодное в стратегическом отношении, наиболее трудно доступное для неприятеля место.

Само древнее персидское наименование Зирихгеран (Зирих-Геран), указывающее не только на занятия населения этого «царства», но и на глубокую древность его истории, первоначально употреблялось, вероятно, только в отношении собственно самого селения Угъубаже (Угъабаже), известного с XV–XVI вв. под тюркским названием Кубачи, которое еще в начале первого

тысячелетия нашей эры выступало крупным и хорошо известным центром изготовления кольчуг и другого военного снаряжения. Со временем название Зирихгеран распространилось уже на отдельный, сравнительно небольшой регион, включающий как само селение Кубачи, так и ряд родовых (тухумных) поселков, расположенных вокруг него в радиусе 3–12 км.

Селение Угъубаже – Зирихгеран как экономически наиболее развитая и сильная политическая единица и как крупный центр ремесла, торговли и культуры, вероятно, подчинило себе еще в раннем средневековье близлежащие населенные пункты – небольшие родовые (тухумные) поселки Анчибачи (Гянчечаче), Амузги (Гямудже), Сулевкент (Сулече), Дацамаже (ДацЦамаже), Кубасана (Къубасана), Дешиж, Муглила, Шири (Ши), которые культурно, этнически и в хозяйственно-экономическом отношении были тесно взаимосвязаны, а впоследствии – в XI–XIII вв. большинство из них объединилось с ним и образовало крупное для того времени территориально-родовое горное селение – ши.

Известный этнограф-кавказовед Е.М.Шиллинг очень точно подметил, что «фольклорные данные... говорят о войнах сел. Кубачи с соседями, о более широком когда-то расселении кубачинцев, о некоторых переселениях и о ряде ныне необитаемых урочищ, заселенных раньше народом угъубуг». Вследствие сказанного можно предполагать, что «угъубугская» территория когда-то была шире и что, в конечном счете, процесс ассимиляции в течение веков все же имел место. Это предположение подтверждается показаниями восточных средневековых источников, начиная с Баладзори и Масуди (IX–X вв.), применяющих в данном случае название «страна зирихгеранов» (что не могло бы относиться лишь к одному населенному месту) и указывающих на размеры дани (платимой зирихгеранами), превосходящие экономические возможности одного селения.

Данные о более широком расселении в прошлом народа угъубуг (гУгъубуг) и о подчинении селению Кубачи (Угъубаже) жителей окружающих аулов приводят и авторы XVIII–XIX вв. И. Потоцкий, П. Петухов, А.В. Комаров, А.С. Уваров.

Каменный рельеф – деталь архитектурного декора из сел. Кубани. Конец XIV–начало XV вв. Государственный Эрмитаж.

Упомянутая выше группа небольших родовых (тухумных) аулов, компактно располагаясь вокруг сел. Кубачи, образовывала как бы одну естественно-географическую микрорайон т. е. геоморфологически замкнутый район с этнически однородным населением зирихгеранов (угъбугов) и единым взаимосвязанным хозяйственно-экономическим комплексом. Основным занятием населения являлось ремесло. Наряду с ним получили развитие земледелие и скотоводство. О том, что основным занятием населения древнего Зирихгерана являлось именно ремесло, свидетельствует сообщение ал-Масуди, который писал о зирихгеранах, что «большинство из них (выделено мной. – М.М.) делает кольчуги, стремяна, уздечки, мечи и другие виды оружия из железа». Эти данные, относящиеся к X в., ретроспективно можно отнести и к значительно более раннему времени, учитывая при этом персидское название «Зирихгеран», означающее «кольчугоделатели» и имея в виду то, что раннесредневековое политическое образование под этим названием упоминается, как было уже отмечено, арабским историком IX в. ал-Белазури в связи с историческими событиями, имевшими место в VI в. н. э.

Характерно, что в течение очень длительного исторического периода территория древнего Зирихгерана оставалась крупным и развитым очагом металлообработки, где функционировали такие центры производства разнообразных металлических изделий, как Кубачи, Амузги, Шири, а в раннем средневековье к ним примыкали, вероятно, еще небольшие аулы Анчибачи, Кубасана, Дацамаже и Дешиже.

Если в раннем средневековье (V–X вв.) Зирихгеран выступает, согласно данным арабских авторов ал-Белазури, ал-Якуби и ал-Масуди, как одно из государственных образований, то автор XII в., историк и путешественник Абу Хамид Андалуси ал-Гарнати (1080–1169 гг.) пишет о Зирихгеране уже не как о «царстве» или «владении», а как о двух селениях: «А недалеко от Дербента есть большая гора, у подножия которой – два селения; в них живет народность, которую называют зирихгеран, т. е. бронники; они изготавливают всякое воинское снаряжение: кольчуги, и панцири, и шлемы, и мечи, и копья, и луки, и стрелы, и кинжалы, и всевозможные изделия из меди...»

Каменный рельеф – деталь архитектурного декора из сел. Кубачи с изображением стилизованных орлов. Государственный Эрмитаж.

Из сообщения ал-Гарнати можно сделать вывод о том, что в XII веке в политической истории Зирихгерана произошли важные и существенные изменения. Связано было это, вероятно, с тем, что с X–XI вв. в Дагестане происходило, как это прослежено А.Р. Шихсаидовыми Б.Г. Алиевым, укрепление центральной власти в одних владениях и децентрализация в других: в начале XI в. существуют Западный Лакз и Восточный Лакз... в конце XI – начале XII вв. Сарир распался на более мелкие владения, частично воссоединенные в аварском нуцальстве в XIV–XV вв.; некогда единый Табасаран был разделен на 24 рустака (области) во главе с сархангами (т. е. эмирами). Политическая децентрализация единого государства происходила и в Гумике, что было связано с ослаблением центральной власти в связи

с усилением сепаратистских тенденций, ослаблением влияния арабов в связи с распадом Арабского халифата, укреплением сельских общин и их союзов и т. д.

Как отмечает Б.Г. Алиев, «в результате дальнейшего социально-экономического развития и под влиянием политической обстановки одни союзы сходили с политической арены, другие увеличивались, расширяли свои границы и состав за счет присоединения новых сел, третьи образовывались вновь за счет политической децентрализации в результате выделения из уже существующих союзов усилившихся обществ, которые объединяли вокруг себя другие села. Так, союз Ахты распадается на еще более мелкие союзы (Ахтыпара, Докузпара и Алтыпара) в то время, как Цахур, Курах и Рутул более быстрыми темпами пошли по пути объединения соседних земель».

Подобные же процессы политической децентрализации единого государства и его распад на отдельные самостоятельные владения происходили и в Зирихгеране: сел. Кубачи, с одной стороны, и общества Сирха и Буркун-Дарго – с другой, становятся обособленными, самостоятельными политическими единицами. Причиной тому послужили, кроме отмеченных выше (политическая децентрализация), еще и их разная хозяйственно-экономическая деятельность (ремесленное производство сел. Кубачи и земледельческо-скотоводческое хозяйство сирхинцев и жителей Буркун-Дарго); складывавшиеся веками некоторые культурные и этнические различия; возросшая экономическая самостоятельность Кубачи, его политический вес, стремление самостоятельно вести свою политику в отношении соседних феодальных владений – уцмийства Кайтагского и шамхальства Казикумухского.

В XI–XII вв. активно протекал процесс объединения в целях совместной обороны небольших родовых (однотухумных) аулов зирихгеранов Анчибачи, Кубасана, Дешиже, Муглила, а несколько позднее и Дацамаже с сел. Кубачи и образования на этой основе крупного территориально-тухумного поселка ши, который завершился, вероятно, в конце XIII – начале XIV вв.

С завершением процесса образования территориально-тухумного поселения сел. Кубачи становится самостоятельной и сильной политической единицей – «вольным обществом» со своим внутренним самоуправлением. С этого времени кубачинцы – угъбуг (гугъбуг) становятся «народом одного селения» (Е.М.Шиллинг) и продолжают оставаться такими вплоть до современности.

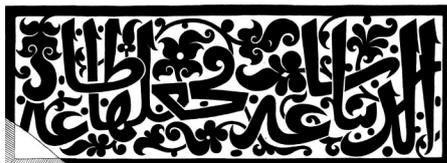
В XIV–XV вв. Кубачи переживает высокий экономический и культурный подъем, превратившись в крупный центр высокоразвитого художественного ремесла, оружейного дела и торговли, а также в один из известных очагов мусульманской образованности и духовности. Оно славилось изделиями оружейников, ювелиров, бронзолитейщиков, медночеканщиков, каменотесов, резчиков по дереву и каллиграфов. Став одним из наиболее крупных населенных пунктов Кубачино-даргинского нагорья, средневековое селение Кубачи, названное в исторической хронике XIV века «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафии и других дагестанских исторических сочинениях «городом Зирихгеран», значительно укрепляется. В самом селении и на его подступах в XIII–XIV вв. были возведены мощные фортификационные сооружения – крепостные стены и круглые в плане оборонительные башни, три из которых Кунакла-кала, Акайла-кала и Цилалла-кала (ныне она носит название родовой фамилии владельца башни Гаджимурад-калла-кала) в разной степени сохранности стоят поныне, но переделанные уже в конце XIX или начале XX в. в жилые дома.

Важнейшие функции общественно-политической жизни кубачинцев в средние века выполняла сельская община – джамаат.

Кубачинским обществом управлял особый общественный орган, именуемый Чине, представлявший собой Совет старейшин, избираемый джамаатом на народном сходе на год или на несколько лет. Чине состояло из 7 членов. Число это в разные периоды истории менялось. Во главе Чине находился так называемый «Чиналла бикI» (Чинальская голова), т. е.

старшина или глава (позднее его стали называть шамхалом). В состав Чине входили еще: помощники (или заместители) старшины, глашатай – мангуш и три исполнителя, так называемые «хаванте». При необходимости джамаат мог обновить состав Чине.

По данным Е.М.Шиллинга, Чине было органом, осуществляющим свои функции по нормам обычного права, ведавшим внутренними и «внешними» делами. Вся административная и судебная власть находилась в ведении Чине, которое могло применять самые различные меры наказания, вплоть до высшей – разрушение дома, принадлежащего виновному, с последующим выселением его в другой соседний населенный пункт или даже лишением жизни.

Каменный рельеф – деталь архитектурного декора из сел. Кубачи с арабской надписью XV в.

В ведении Чине находилась военная организация (военная дружина) Батирте, состоящая из числа неженатых молодых людей. Она состояла из 7 отрядов по 40 человек в каждом, управлявшихся каждый своей семеркой – три так называемых «бикI-халел», из которых один был самым главным; три «туманна-халел» и один «бикIелталла-халел». Каждый из отрядов имел своей резиденцией крепостную башню в селении, в которой проходило очередное дежурство каждого из членов отрядов. Само Чине занимало особый дом дворцового типа «Хвала хьулбе» («Большие дома»), так называемый «Чиналла хьал» («Чинальский дом»), богато украшенный каменными рельефами и резным деревом.

Деталь резного деревянного мимбара большой мечети из сел. Кубачи. Конец XV в. Музей Кубачинского художественного комбината.

Члены организации Батирте под руководством опытных старших лиц, входящих в руководящую семерку, в обязательном порядке проходили физическую подготовку и военное обучение: они занимались борьбой, метанием камней, бегом на дистанцию, конными скачками, стрельбой из лука по цели, упражнениями по ведению боя холодным оружием, военизированными танцами «аскайла». Примечательно, что почти все эти моменты деятельности Батирте запечатлены в сюжетах средневековых кубачинских каменных рельефов XIV–XV веков, некогда украшавших не сохранившееся до нас здание «Чиналла хьал» (Чинальский дом).

В функции Батирте входили: сторожевая служба, охрана селения от внешних нападений, грабежа и разбоя; военные действия с жителями соседних селений с целью защиты

принадлежащих кубачинцам лесных и пастбищных угодий, скота, табунов лошадей, защита кубачинского общества от посягательств соседних феодальных правителей или же «вольных обществ». В состав Батирте входили и члены «союза неженатых», т. е. кубачинских мужских союзов «гулалла акь букьун», так как цикл этот проводился раз в год или в два года, продолжительностью 1–2 месяца, в то время как организация Батирте была, так сказать, «постоянно действующей». Цикл «гулалла акь букьун» проводился с ведома Чине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.